

ПОЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ЕВРОПА.RU

KWARTALNIK
nr 4/2022 (119)

wydawany w Polsce
od 2003 roku

Cena 6.00 (w tym VAT 8%)
ISSN 1731-2701

Разговор с пианистом Дмитрием Аблогиним,
состоявшийся после его концерта в
Варшавской филармонии, читайте на стр. 4

„WINNICE MOŁDAWII”
01-541 Warszawa
ul. Czarnieckiego 63a
tel.: 604 299 679

www.winnicemoldawii.pl

Вина молдавские, грузинские,
армянские и азербайджанские

GRAMOTEJ!

Centrum edukacji
inkluzywnej **GRAMOTEJ**
00-682 Warszawa
ul. Hoża 8
tel.: 882 678 753;

www.gramotej.pl

www.facebook.com/Gramotej

Biuro podróży „Areatour”
90-410 Łódź
ul. Piotrkowska 31, I. 52
tel./fax.: 42 630 80 00
www.areatour.pl

Полный спектр туристических
услуг, визовая поддержка

„Skamiejka”
Jadłodajnia artystyczna
03-736 Warszawa
ul. Ząbkowska 37/39
tel.: 510 059 477

Русские, украинские блюда,
концерты, вечера

Szkoła Języka Rosyjskiego
„Kalinka”
00-554 Warszawa
al. Niepodległości 132/136
pokój 48
tel.: 22 428 10 64
www.rosyjski.edu.pl

alfavit.eu
02-999 Warszawa
ul. A. Gieysztor 4/75
tel.: 720 818 787

www.alfavit.eu

Книги на русском языке
в Европе

ARTISANDIMA
00-687 Warszawa
ul. Wspólna 71
tel.: (22) 629 07 57
www.artisandima.com
Fashionstyle

Music Media AM
Al. Solidarności 113d/29
00-140 Warszawa
tel.: 501 249 727

Организация концертов/
фестивалей, студия и реклама:
композиция/аранжировка/
запись

efektywny
rosyjski

Centrum Języka Rosyjskiego
„Efektywny Rosyjski”
31-525 Kraków
ul. Bohdana Zaleskiego 34/9
tel.: 692 996 825
www.efektywnyrosyjski.pl

С Новым
Годом!

„Борис Годунов” в Милане

На главной оперной сцене мира, в театре Ла Скала, состоялась знаковая премьера. Сезон открыли оперой Мусоргского „Борис Годунов”. По словам знатоков, из произведения вырезали довольно большие куски, но по-

литкорректность сегодня – пропуск в мир искусства. Как написала в *Facebook* одна из участниц премьеры: „Событие состоялось. Были все. Новое итальянское начальство и старое европейское. Вечерние платья, ожерелья, смокинги. Всё как положено. Госпожа фон дер Лайен даже назвала Мусоргского „феноменальным”. Потом добавила туда же Чайковского.” Особенно хорош был Ильдар Абдразаков в роли Годунова –солист московского Большого театра, приглашённый на постановку: „Я никогда в этом театре не исполнял оперу на русском языке. И это был мой дебют именно в исполнении партии Бориса Годунова на русском языке”.

Роли в опере „Борис Годунов” исполняли актёры из разных стран.

Польско-молдавский диалог

Польско-российский драматург, сценарист, кинорежиссёр Иван Вырыпаев побывал в Кишинёве по приглашению Министерства культуры Молдовы. Его постановки идут в

десятках театров по всему миру. Приезд Вырыпаева – первый шаг к обновлению театральной сцены Молдовы. До сих пор постановки Вырыпаева можно было увидеть в Кишинёве только в рамках фестивалей в исполнении румынских театральных трупп. На встрече с молдавскими театрами Вырыпаев зачитал стихи из своего пока единственного поэтического цикла „Мир красивых бабочек”. Иван Вырыпаев получил известность в Европе, прежде всего, как театральный драматург. В 2019 году, когда ему было всего 44 года, его пьесы шли более чем в 250 театрах мира.

Так Вырыпаев вошёл в десятку выдающихся драматургов. Он также известен как кинорежиссёр, его фильм „Эйфория” вошёл в основной конкурс Венецианского кинофестиваля в 2006 году и был отмечен молодёжным жюри „Золотым львёнком” за лучший фильм.

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ

ПИАНИСТ – ПОЭТ	4
ЖЕНЩИНА В ПУТЕШЕСТВИИ	10
ПОСЛЕ ТРЁХ ЛЕТ ТИШИНЫ	14
УГОЛОК КНИГОЛЮБА	17
ГОРДОСТЬ ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА	20
ПЬЯНСТВУ БОЙ!	24
ПОЛЬСКИЙ НОБЕЛЬ	27
НЕФТЯНОЙ КОМАНДАРМ	34
ПРОРОК И ДИССИДЕНТ	39
СОБЫТИЕ, КОТОРОЕ ПРОИСХОДИТ РАЗ В СТО ЛЕТ	40
КЕЛЕЦКОЕ БАРОККО	42
ПРОГУЛКА СО ЗВЁЗДНОЙ ПОДРУГОЙ ..	46
НЕТЛЕНКА	50

Пианист – поэт

Так назвал Дмитрия Аблогина один из критиков после его выступления на музыкальном фестивале *Chopin i jego Europa* в 2020 году. В рамках фестиваля это был единственный сольный концерт, вся программа которого была исполнена на исторических инструментах. Мы встретились с Дмитрием Аблогиным в конце августа после его очередного концерта в Варшаве.

Впервые я услышала Вас на концерте года три назад в камерном зале Варшавской филармонии, где Вы играли произведения Фанни Мендельсон. Тогда же я открыла для себя и её как композитора. Два открытия на одном концерте!

– Спасибо! Да, я очень люблю Фанни и её музыку. К сожалению, социальные условия того времени и консервативные взгляды её семьи, которые разделял и её брат Феликс, не дали ей должного импульса к артистической карьере. Когда она достигла совершеннолетия, отец сказал ей, что её предназначение как женщины – быть хорошей женой и матерью, а музыка должна стать одной из жемчужин в её ожерелье. ...Только за год до смерти, при поддержке мужа и некоторых друзей она решилась на первую публикацию.

Недавно услышала по радио, что брат выдавал её произведения за свои.

– Это чистой воды выдумка... Феликс был сам гениальным и плодовитым композитором – у него просто не было необходимости красть произведения сестры и выдавать их за свои собственные. Феликс ценил музыку Фанни и считал её выдающимся композитором и пианисткой – этому есть многочисленные доказательства в его письмах. У них был очень трогательный творче-

ский тандем: они все время делились друг с другом новыми сочинениями, советовались между собой. Он действительно опубликовал несколько её пьес от своего имени, но совсем с другой целью: ему хотелось, чтобы они увидели свет и стали доступны широкой публике. Но он никогда не присваивал их себе и не скрывал, что их автор – Фанни.

Вот что значит – свободная интерпретация ...

– Есть известный случай, связанный с этим. Феликс Мендельсон был дружен с британской королевской семьёй. Во время одного из его визитов во дворец королева Виктория, которая немного играла на фортепиано, вынесла сборник недавно опубликованных сочинений Мендельсона и указала ему на пьесу, которая ей больше всего пришлась по душе... А это было как раз сочинение Фанни. И Феликс сразу сообщил королеве, что автор этой пьесы – его сестра.

Вчера Вы играли в очень яркой компании – скрипачка Алёна Баева и пианист Ян Лисецкий. Кого-то из них Вы раньше знали?

– Мы дружим с Алёной и периодически играем вместе. С Яном Лисецким до этого момента я не был знаком лично.

Удалось познакомиться?

– Да, мы сказали друг другу „привет”!

Вы уже вошли в музыкальную историю Польши, потому что приняли участие в Первом международном конкурсе исполнителей на исторических инструментах им. Ф. Шопена. Первый всегда запоминается. Когда исторические инструменты вошли в Вашу жизнь?

– Это произошло случайно. Я слушал записи со старинными инструментами, ходил на концерты, но не подозревал, что сам стану этим заниматься. После окончания Гнесинской Академии в Москве мне хотелось поучиться в аспирантуре где-нибудь в Европе, и один мой друг, который к тому времени уже жил в Германии, рассказал мне, что во Франкфурт приезжает замечательный педагог и мастер игры на исторических инструментах Йеспер Кристенсен и что я должен обязательно ему показаться. Помню, как пришёл на урок и впервые прикоснулся к инструменту

– это был рояль 1835 года, с венской механикой. Я начал на нём играть и... ничего не понял и не почувствовал. До этого момента я никогда не прикасался к старинным фортепиано и был к ним совершенно не приспособлен. Забегая вперед, скажу, что мне понадобился не один год, чтобы переучиться, адаптировать свою технику и найти общий язык с этими инструментами. Но я был заинтригован личностью Кристенсена и его методом преподавания. У него в классе я проучился четыре года. К концу второго года моего обучения в Интернете появилось объявление о конкурсе Шопена на исторических инструментах в Варшаве. Невероятное, счастливое совпадение!

Звучание исторических инструментов увлекло меня, я побывала даже в музее в Галле, где родился великий Гендель, и видела процесс изготовления инструментов в прошлые века. Это совсем другое звучание! Композиторы того

времени, когда сочиняли, предполагали именно это звучание. А мы сейчас воспроизводим их на совершенно других инструментах, с другим звуком. Насколько это соответствует замыслу композитора?

– На этот вопрос у меня нет однозначного ответа. Например, мы не знаем, какое звучание было в голове у Бетховена, когда он – уже будучи совсем глухим – сочинял свои последние кватреты, Торжественную мессу или Диабелли-вариации. Кстати, именно эта мысль побудила меня сделать запись этих вариаций на двух разных инструментах – на фортепиано-современнике Бетховена (1825 года) и на рояле *Fazioli* 2018 года. Диск должен выйти в конце декабря этого года, чему я безумно рад!

С другой стороны, почти все композиторы сочиняли для конкретных инструментов, учитывая их конкретные особенности. И вполне логично, что

эти инструменты позволяют лучше проникнуть в замысел композитора, понять особенности его языка, артикуляции, представления о динамике. Когда я учился играть на исторических фортепиано, у меня были довольно строгие воззрения – что играть нужно только оригинальных инструментах. Но сейчас я более легко к этому отношусь. Кроме того, практическая сторона концертной деятельности вносит свои коррективы, и если есть выбор, то выбираешь не исторически „верный” инструмент, а тот, что лучше звучит, находится в лучшей концертной форме и лучше соответствует акустике зала.

Есть ли какая-то особая философия игры на исторических инструментах? Если на них играть музыку более современную, написанную, например, в XX веке? Может ли она на них звучать?

– Думаю, вполне может. Композиторы-пианисты прошлого тоже не всегда играли на новейших инструментах своего времени. Сейчас, к сожалению, развитие фортепиано практически остановилось. А в конце XVIII и в XIX веке почти каждый год были какие-то невероятные инновации. Мастера того времени постоянно экспериментировали с внешним видом фортепиано, с формой, механикой, размером клавиш, количеством педалей – и конечно же, это всё отражалось на звучании, поэтому у каждого из этих инструментов свой неповторимый, индивидуальный характер. Это то, чего мне не хватает в современных инструментах. Сейчас все рояли более или менее одинаковые – это удобно для больших концертных залов, для игры с оркестром, в этом есть стабильность и надёжность, но при этом теряется какая-то живость, спонтанность и экспериментальность.

Что касается философии... Еще когда я учился, я заметил, что исторические рояли не понимают насилия и не прощают неточностей. То есть, чтобы играть на них, нужно как будто бы заглушить свое эго, перестать бороться с ними и быть внимательным слушателем и собеседником.

Ну вот мы подходим к Вашему концерту в Страсбурге, который был недавно опубликован на Youtube. Вы записали его в костёле?

– Да, концерт прошёл в июле этого года в протестантской церкви Св. Аурелии.

И Вы играли на Blüthner 1895 года. Вы написали, что Вы там испытали восторг, ощутили совершенно другую атмосферу. Обычно Вы играете в больших залах. Где для Вас удовольствия больше?

– Надо сказать, что помещение церкви довольно большое. В тот день, по моим ощущениям, всё совпало – изумительный рояль с бархатным звучанием, очень красивое помещение с живой, дышащей акустикой, хорошие друзья среди слушателей. И было чувство, что мне не нужно ничего делать специально: музыка как будто сама игралась, без моего участия. Очень рад, что этот концерт был записан.

Что касается залов, то я одинаково люблю играть и в больших, и в камерных залах, и в домашних гостиных. Всюду есть своё очарование.

На заставке той записи из церкви у Вас стоит картина, автор которой Ваш отец, Алексей Аблогин. Это очень трогательно! Кто её выбрал, Вы или папа?

– Мне показалось, что эта картина подходит по атмосфере звучанию рояля и программе концерта... Выбрал её я. Мой папа – изумительный художник. Он занимается другой профессией, а рисует, в основном, на выходных или на каникулах. Но, как у художника, у него огромный, многолетний опыт, за его плечами множество разных курсов, экспериментов с разными стилями. За все эти годы он написал невероятное количество картин. Наша московская квартира похожа на музей – все стены увешаны его работами!

Я видела на фотографии, что у Вас даже на рояле стоял мини-мольберт с картиной...

– Да, это так! Мне бы очень хотелось, чтобы его картины увидели свет. Некоторые из них я выкладывал на *Facebook*, и они неизменно получали восторженные отзывы...

Услышав Вас первый раз, я помню, смотрела на сцену и думала: ну как же в наше сумасшедшее время может родиться такой „неземной“ молодой человек, который как будто вышел прямо из XIX века. Увидев картину папы, я нашла ответ на свой вопрос... Какое влияние папа оказал на Вас?

– У меня с родителями очень тесная связь. Они ещё до моего рождения любили классическую музыку. Моя бабушка со стороны папы была профессиональным музыкантом – она преподавала фортепиано в Братске. А мама закончила музыкальную школу по классу фортепиано. Папа довольно рано начал покупать сначала кассеты, потом компакт-диски с классической музыкой, и к какому-то моменту у нас собралась внушительная коллекция записей фортепианной, оркестровой, камерной и вокальной музыки.

Вы единственный ребёнок?

– Нет, нас трое братьев! Старший брат тоже закончил музыкальную школу, но по классу гитары. А младший брал уроки фортепиано у той же учительницы, что и я. В семье мы все любим музыку.

По-моему, это замечательная идея показывать работы Вашего папы вместе с Вашим исполнением! А теперь вопрос, который меня мучает давно. Насколько важны человеческие качества самого исполнителя? Насколько они передаются в игре? Вы можете по игре услышать, какой он человек?

– Это сложный вопрос. Я должен немало подумать...

Я читала, что если ребёнок учится игре на инструменте, то он всё время находится в мире прекрасного. Откуда же тогда сволочи музыканты появляются?

– Хорошо, раз уж Мендельсон – сквозная нить нашего разговора, давайте возьмём его в качестве примера. Для меня он один из самых важных и любимых композиторов. И я люблю его не только как музыканта, но и как личность. Он был удивительным человеком: благородным, щедрым, невероятно умным, элегантным и глубоким. В его случае это полная гармония творчества и человеческих качеств.

Но вот я думаю о Вагнере, который знал Мендельсона лично и даже пользовался его поддержкой, а после его смерти он написал страшную статью „Еврейство в музыке“. Она состоит сплошь из самых отвратительных и античеловечных высказываний – в том числе, о Мендельсоне. Музыку Вагнера я не слушаю просто потому, что она мне не близка, но в то же время я не могу отрицать его талант и его влияние на мировую культуру. При этом совершенно очевидно, что он был негодяем, и что „мир прекрасного“, как Вы сказали, не помог ему избежать этой участи...

Но это композитор. А по поводу исполнителя?

– Я знаю некоторых исполнителей, которых никак нельзя назвать приятными, располагающими к себе людьми. Но при этом то, что они делают за инструментом, вызывает у меня неподдельное восхищение.

Многие говорят, что хотят передать, что думал и чувствовал композитор. А разве мы в состоянии это сделать? Или всё же каждый раз исполнитель – соавтор этой музыки?

– Очень интересный вопрос. Конечно, без личного опыта трудно подойти к определённым произведениям и трудно быть в них убедительным. Но ведь от-

нюдь не всегда то, о чём рассказывает музыка, случалось с нами в жизни, мы не всегда испытываем те же чувства и переживания, которые содержатся в музыке. В этом случае мы можем действовать, как актёры по системе Станиславского: принять на себя обстоятельства, найти убедительное решение, поверить в него и присвоить его себе. Правда, иногда случается наоборот: не ты сообщаем музыка или через музыку свой опыт, а она наделяет тебя своим опытом, и через неё ты начинаешь чувствовать и понимать то, что раньше тебе было недоступно. И это невероятный дар и привилегия – учиться у музыки. Насчет соавторства... я думаю, что исполнитель в некоторой мере произвольно становится соавтором. В конце концов, каждый из нас хочет верить, что в точности следует нотному тексту, но при этом как по-разному у всех звучит одно и то же произведение!

Сейчас молодые исполнители очень любят удивить зрителя своей техникой. Сыграть Рахманинова, Прокофьева. Чем Вы можете удивить, играя на историческом инструменте?

– Мне кажется, что сейчас сложно удивить кого-то техникой. Думаю, исторические фортепиано вносят толику свежести в восприятие известных произведений, а иногда просто открывают их заново и позволяют услышать в них то, к чему трудно прийти, занимаясь на современном концертном рояле.

Я посмотрела Вашу статистику просмотров на Instagram, и оказалось, что польские меломаны дали Вам больше всех – 20 тыс. просмотров записей NIFC. Ваше отношение к Польше?
– Я очень люблю Варшаву, чувствую себя здесь как дома. После конкурса

я приезжаю сюда регулярно и каждый раз очень радуюсь этому. У нас с Шопеновским институтом сложились доверительные, дружеские отношения.

Вам случается покупать билеты на концерты своих коллег, друзей-музыкантов?

– Да, конечно же! Но чаще они по доброте душевной оставляют мне приглашение.

А вот если бы у Вас была возможность купить билет только на один концерт какого-то пианиста, жившего или живущего. Кто бы это был?

– Мне бы очень хотелось послушать живьем Шопена и Рахманинова.

А если бы у Вас была возможность сыграть только для одного человека. Кто бы это был?

– (пауза) Это так трудно... Если можно было бы сыграть для двоих – Шопена и Мендельсона? Хотя, скорее я бы попросил их сесть за инструмент...

Не музыкой единой жив человек... Что вы, Дмитрий Аблогин, молодой современный человек, любите?

– Ох, у меня много увлечений! Очень люблю путешествовать. Ещё я обожаю скорость: у меня год назад появилась маленькая спортивная машина, и мы с ней вместе объездили уже много городов и стран. Ещё я очень люблю живопись, кино, литературу. И обожаю животных.

Спасибо Вам огромное за этот разговор, и мы ждём Вас в Польше снова и снова!

*Разговаривала Ирина Корнильцева,
фото предоставлены NIFC
и Дмитрием Аблогиным*

Женщина в путешествии

Имя Тамары Лемпицкой известно и почитаемо среди ценителей направления арт-деко. Портреты, написанные ею, стали своеобразным эталоном этого направления. Она несколько раз меняла свой творческий стиль, что редко хорошо удаётся художникам. Она была своим собственным финансовым директором, продюсером, и тоже довольно успешно. Она прожила жизнь долгую, сложную, яркую, как и её полотна, и одновременно загадочную. До сих пор в её биографии есть большие белые пятна, которые практически уже невозможно заполнить.

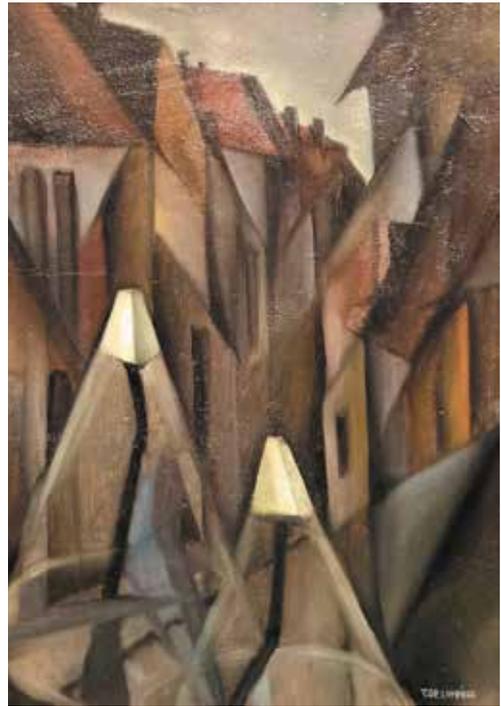
В 2022 году сразу несколько польских музеев решили показать её работы. Причем, работа организаторов и кураторов была трудоёмкой и сложной. Первая выставка была организована в Люблине под названием *Tamara Lempicka – kobieta w podróży* / „Тамара Лемпицка – женщина в путешествии”. Она стала настолько успешной, что было принято решение показать её и в Кракове. В это же самое время ещё одна выставка, посвящённая Тамаре Лемпицкой, в подваршавском Константине в музее *Villa La Fleur* продолжает некоторые темы, затронутые в Люблине и Кракове, и представляет новые. Выставка в Константине проходит под названием *Tamara Lempicka a art deco*

Как мне показалось, выставка в Константине и выставки в Люблине и Кракове развивают важную тему не только самого творчества Лемпицкой, но одновременно и её подхода к организации жизни женщины и выведении её на уровень самореализации. Она показала, что это возможно. Своё жизненное кредо она выразила в словах: „Жизнь – это путешествие. Возьми с собой только то, что больше всего тебе нужно, потому

что должно остаться место для того, что соберёшь по дороге”.

Большой проблемой организации выставок было то, что Тамара Лемпицкая писала портреты на заказ. Сразу после окончания работы портрет или картина попадали в коллекцию заказчика. Сложность возникла не только в том, чтобы договориться с владельцами работ. Нет полного перечня работ художницы, и собрать то, о чём неизвестно – сложная задача, а иногда и невыполнимая. Составление экспозиции осложнялось также тем, что в Польше в музеях и частных коллекциях практически нет её работ. Тем более огромное спасибо организаторам за создание этих выставок.

Биография Тамары Лемпицкой покрыта тайной, биографы путаются даже в датах и месте рождения. В некоторых источниках можно встретить „место рождения Варшава”, но другие утверждают, что более правдоподобным местом рождения стоит назвать Москву. Похоже, что пока нет возможности узнать правду, так как часть своих документов художница уничтожила, неизвестен даже точный год рождения –1898 или 1895.

Из того, что известно: при рождении она получила имя Тамара и была дочерью поверенного Бориса Гурвич-Горского и Мальвины Деклер, происходившей из очень известной еврейской семьи. Её мама была племянницей Циприана Камиля Норвида. Отец рано оставил семью. По одной версии, совершил самоубийство, по другой – подал на развод и сбежал. Её воспитывали бабушка и дедушка по материнской линии – Бернард и Клементина. Они принадлежали к культурной элите Варшавы. Были дружны с Игнацием Яном Падеревским и Артуром Рубинштейном. С 1907 Тамара каждый год ездила с бабушкой и дедушкой на каникулы в Италию, где познакомилась с творчеством художников эпохи Ренессанса. Это влияние можно увидеть в её ранних работах. С 1911 года она жила в Санкт-Петербурге, где училась рисованию в Академии художеств, а по вечерам старалась не пропускать ни одного события в культурной жизни. Друзья водили её на балетные спектакли Мариинского театра и в частный театр князей Юсуповых, на концерты в Царском Селе.

Во время одного из петербургских ба-лов она познакомилась со своим мужем Тадеушем Лемпицким. Его семья, родом из Варшавы, жила в Санкт-Петербурге в „запасном дворце” великого князя Владимира Александровича. В начале 1916 года они обвенчались, а спустя 9 месяцев родилась дочь – Мария Кристина, известная как Кизет.

Во время Октябрьской революции мужа Лемпицкой арестовывают, ей удается его вытащить с помощью шведского консула, и они едут сначала в Швецию, а затем в Париж. Там она начинает учёбу в парижской художественной школе *Académie Ranson* у Мориса Дени. Потом в мастерской Андре Лота Лемпицкая училась сочетанию современных методов изображения с академической традицией, с классическими художественными формами Пуссена, Давида и Энгра. Как она сама комментировала свои первые коммерческие шаги, картины на заказ писались исключительно для зарабатывания денег, чтобы содержать сломленного психически после ареста мужа и себя с дочкой. Именно вторая половина 1920-х и 1930-е годы стали её лучшим периодом.

Её жизнь протекала в ритмах эпохи декаданса, и после многочисленных любовных романов художницы супруги в 1927 году расстаются. Второй раз она выходит замуж в 1937 году. Второй муж, барон Рауль Куффнер, владел землями в Австро-Венгрии. Он был евреем, поэтому после начала Второй мировой войны семья была вынуждена эмигрировать в США. Лемпицкой на тот момент было уже за пятьдесят, и она организовала себе рекламную фотосессию, чтобы оповестить публику о том, что в Америку приехала известная европейская худож-

ница. Она знала не только, как себя преподнести, но и как „продать подороже”.

Часть экспозиций посвящена автобиографическому творчеству художницы. И искусство, и жизнь, по крайней мере, публичная, в значительной степени контролировались ею. Она сама „творила” себя в образе художника и женщины – возвышенной, модной и богатой. Важным элементом продвижения марки *Lempicka* были фильмы и фотосессии, которые заказывались у самых известных и модных фэшн-фотографов.

Лемпицкая создавала натюрморты, абстрактные полотна, картины, грубо написанные художественным шпателем – мастехином, но прежде всего она была портретисткой. Созданные ею портреты сегодня считаются эталоном арт-деко.

Среди самых значимых работ Лемпицкой – два портрета дочери Кизет, а также „Девушка в зелёном” – невероятно красочная картина с очень насыщенными, но в то же время чрезвычайно тонко подобранными цветами, где на первом плане – ткань платья. Нельзя обойти вниманием и „Сан-Моритц” – это кабинетный портрет, перенесённый в ландшафт. Недавним открытием аукционного рынка стала картина „Бриллианс”, на которой изображена женщина с рыжими волосами, написанными необычным способом: локоны выглядят как металл.

На выставке в Константине представлено более семидесяти работ. Здесь и картины маслом, и рисунки, и графика. Помимо известных композиций периода расцвета творчества Лемпицкой представлены ранние студийные работы, а также абстрактные работы последних лет жизни художницы. Экспонаты для этой выставки поступили из французских и польских государственных му-

зеев, а также из частных коллекций в Польше и США.

В Кракове самих работ чуть меньше, около сорока, и они позволяют проследить творчество художницы с 1920-х до 1960-х годов: портреты, обнажённые тела, произведения на социально значимые темы, натюрморты, малоизвестные абстрактные композиции, импрессионистические картины, написанные мастихином в 1960-1970-х годах.

Музей в Нанте во Франции стал первым музеем, который в 1970-х годах приобрел её работы.

Кому-то Лемпицкая может и не нравиться. За лёгкие нравы, за жёсткие правила достижения целей, за любовь к богатству, за своё слишком эротическое искусство. Но ею можно восхищаться. За силу характера, за прекрасное умение наблюдать и сочетать различные живописные традиции, видимые в её картинах, за эротизм, который она сделала доступным для женщин. Но больше всего следует подчеркнуть её вклад в эмансипацию женщин. Возможно, Лемпицкая была знаменитостью именно своего времени, но она показала, что женщины тоже могут идти своим путём, добиваясь при этом успеха.

Она сама занималась всей бюрократией, связанной со своей работой, продажей картин, рекламой. В те времена женская самостоятельность была в моде, но Лемпицкую от других отличало то, что у неё действительно всё получалось.

Выставки будут работать до марта 2023 года и в Национальном музее в Кракове, и в музее *Villa La Fleur* в Константине. Не упустите возможность!

Светлана Агошкова, фото автора

После трёх лет ТИШИНЫ...

Первый раз о поэтессе Светлане Черновой мы написали в 2018 году, когда она приезжала с гастролями в Варшаву. Её встреча с организатором поэтических вечеров Александром Солдатенко оказалась судьбоносной. Сейчас Светлана, взяв себе творческий псевдоним Лана Авиор живёт в Варшаве. После трёхлетнего перерыва у неё снова прошёл сольный вечер в варшавском пабе *Beer Station Central*. Зал был полон благодарных слушателей.

– Ты уже три года живёшь в Варшаве, но после переезда ты взяла долгую творческую паузу. Расскажи, почему так произошло и что тебя подтолкнуло вернуться в поэзию.

– На самом деле, я никогда не бросала писать стихи, просто пропала из публичного поля, потому что мне было сложно адаптироваться, и я не сразу поняла, как работать русскоязычному поэту в Польше в меняющихся условиях. Я хотела гастролей, но начался локдаун, Я хотела продавать книги, но сомневалась, что русскоязычная литература будет востребована. Это и многое другое поставило мою деятельность на паузу. Но я всегда знала, что эта пауза не бесконечна.

А потом началась война, которая глубоко и остро во мне отозвалась. Я увидела, что многим нужна поддержка, и я, как артист, работающий с аудиторией, могу дать точку баланса для внутреннего состояния других людей. Сейчас я вижу в этом свою миссию. Поэтому я вернулась.

– Ты пишешь на русском языке, но у тебя есть опыт выступления перед польскоязычной публикой. Каково это, выступать перед аудиторией, которая тебя не понимает?

– Это действительно интересный опыт. Стих, в отличие от песни, не может существовать в отрыве от смысла текста, то есть понимание того, о чём я пишу, необходимо для полноценного восприятия. Тем не менее, когда мы говорим о выступлении, играет роль и сценическая подача, и эмоция. Я выступала на поэтическом конкурсе, и заняла далеко не последнее место, думаю, благодаря этому.

– Чем поэтическая жизнь на твоей родине отличается от подобной в Варшаве?

– Если брать в расчёт русскоязычные мероприятия, конечно, в странах СНГ есть больше всяких премий, концертов высокого уровня, эта сфера более развита. Я никогда не любила андеграунд, потому что это почти ничем не отличается от создания произведений „в стол”.

– В твоём творчестве присутствуют разные тематические циклы. О чём они?

– У меня есть цикл стихов о космосе, ставший мелодекламационным альбомом. Это альбом-медитация, где человек через метафору сна приходит от внутреннего хаоса к внутреннему по-

рядку. Также есть цикл стихотворений, написанных под впечатлением от исторических событий. Сейчас я работаю над созданием концептуальной книги „Афтарсия”, где стихи связаны единым сюжетом, пространством и героями.

– А расскажи поподробнее...

– Эта книга создаётся в соавторстве с Полиной Кондратьевой, она пишет новеллы, сюжетно дополняющие стихотворения. Можно сказать, что это антиутопия, так как действие этой книги происходит в киберпанк-гиперполисе в альтернативном будущем. По моему мнению, главная задача любого человека искусства – быть наблюдателем и на основании наблюдений за самим собой

и окружающим миром создавать новое, преображая окружающую реальность. По крайней мере я ставлю перед собой такую цель в этом произведении.

– Поделишься своими целями и планами на будущее?

– Сейчас я пишу много песен и хочу, чтобы они звучали. Также я задумываюсь о создании иммерсивного (погружающего в действие – *ред.*) поэтического шоу и выпуске новых книг. Пришло время, когда мне хочется больших залов и крупного роста.

(стихи Ланы Авиор читайте на следующей странице)

Да придет Твоё Царствие,
Да святится Твоё имя.
На путях *ad astra per aspera*
Ниспосли возможность найти нам
Триединство души и разума,
И телесного воплощения.
Поклонились иконостасу, но
Кто нутром ощутил прощение?
И, бичуя себя без устали,
Уходили в свои обители,
Где бечёвкой с узлами-узлами,
Аки агнцы, Твои просители
По рукам и ногам повязаны
По стечению ошибок выбора,
Что собрались кривыми пазлами
В искажённое слово „*libertas*”.

Полюбить бы Тебя в себе,
Да постичь бы простые истины.
Но слепые идут во тьме.
И полки их, увы, бесчисленны.

Эмбрионам в утробе города,
Не отмеченного на карте,
Шевелюсь рефлекторно. Скоро я
Должен тело покинуть матери.

Позабыв алгоритмы Боговы
В одинокой своей обители,
Я приду в этот мир с ожогами,
Но приду в этот мир целителем.

Так откройте свои объятия,
Я такой же, как вы, юридивый.
От рождения до распятия
Мной дорога ещё не пройдена.

В крик дыханье ещё не сорвано,
В ожиданьи томлюсь беспомощном.
Я лежу в недрах гетто сонного
В небесах бесконечных тонуций.

Мы – дети безумного Бога. Клыки оскалив,
Мы брали от жизни больше, чем вы искали.
Мы знаем о жизни больше, чем вы хотели.
Идём через Вечность, одеты в земное тело.

Холодная синяя кровь растеклась по венам.
Бессмертные души наши навек нетленны.
Мы – змеи. Искрима, меняя стальную
кожу.
Мы – дети Вселенной, в которой ваш мир
ничтожен.

Мы видели Рай и спускались в глубины Ада.
В азарте познания гнали людское стадо.
Мы знаем, что будет, финал вынося в
эпиграф.
Мы – дети. И мы с восторгом играем в
игры.

Когда толпа тебя превознесёт,
Влюблённая в убогих и великих,
Ты будешь знать: в душе её двуликой
Уже давно построен эшафот.

Но голоса покорно замолчат,
Когда твой жест прервёт аплодисменты.
Минутный пьедестал от постамента
Ты хорошо умеешь отличать.

Твои слова от ветра запеклись,
Ещё стучит пылающее сердце,
И никуда теперь уже не деться
От этих глаз, смотрящих сверху вниз.

А потому идущие вперёд
Не в праве признавать своё бессилье.
Ты в шаге от земли расправишь крылья
И превратишь падение в полёт.

Разговаривал Александр Солдатенко

Уголок книголюбца

Вопреки всем пессимистическим прогнозам, польский книжный рынок чувствует себя хорошо, на фоне обесценивающихся на наших глазах интернет-информаций, книга остаётся бесценным источником познания. По нашей давней традиции мы предлагаем обзор книжных новинок. Приятного чтения!

Antoni Ferdynand
Ossendowski
Mocni Ludzie
Wydawnictwo
Zysk i S-ka, 2021

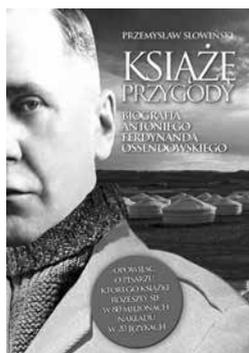
Это увлекательный рассказ известного путешественника Антония Оссендовского о судьбе польской семьи середины XIX века. Власти Российской империи беспощадно расправлялись со всеми зачинщиками и участниками польских мятежей и их стремлением к независимости. Одним из методов борьбы с противниками царя была ссылка в Сибирь. Это было суровое наказание, потому что тоска по родине и близким разрывала сердца ссыльных. Но мы не можем утверждать, что жизнь поляков в ссылке означала только мучение и верную смерть. Документы и истории жизни ссыльных поляков сохранили для нас удивительные примеры. И эта книга знакомит нас с судьбой польской семьи Лис.

Лейтенант Владислав Лис был выслан в Сибирь за участие в восстании 1831 года. Вместе с ним решила выехать

в далёкий край и его супруга Юлианна. Там в маленькой деревушке Нарымь среди простых, прямых и открытых людей они находят своё место на земле. У них они учатся выживать в дикой природе, чувствовать её ритм и замечать изменения. Суровая Сибирь становится их домом, а дикая тайга – кормилицей. Со временем поляк своими действиями, настойчивостью и трудолюбием завоевывает расположение коренного сибирского населения. Взаимная симпатия перерастает в большую дружбу. Их объединяет общее желание – освобождение от „московских оков”.

Вот что пишет один из читателей: „Главный герой книги для меня – это пример настоящего мужчины. Таких, наверное, уже и не осталось... Сильный не только физически, но и морально, не поддающийся превратностям судьбы. Если нужно – построит дом, сходит на охоту и вернётся с добычей, наловит рыбы. И при этом он остаётся высоко-моральным человеком, интеллигентным и справедливым. Нужно сказать и о его супруге: хозяйственной, отзывчивой. Оказывая медицинскую помощь местным жителям, она сыскала их уважение и любовь.

Советую прочитать эту книгу всем любителям истории, дикой природы и хорошей литературы”.

Przemysław
Słowiński
Książę przygody
Wydawnictwo
Zona Zero, 2022

Так автор назвал Фердинанда Оссендовского – выпускника Санкт-Петербургского университета и Парижской Сорбонны. Он свободно владел семью иностранными языками, в том числе китайским и монгольским. Был писателем, путешественником, учёным и... шпионом. Был преподавателем университета и ищущим приключений авантюристом.

В молодости Оссендовский участвовал в научных экспедициях на Кавказ и в окрестности Байкала. Он также побывал в Китае, Японии, Индии и на Суматре. После начала русско-японской войны Оссендовский проводил геологические исследования в Маньчжурии в поисках сырья, необходимого для российской армии. Во время революции 1905 года стал... председателем революционного комитета и руководил Маньчжурией. После подавления революционного движения был приговорён к полутора годам заключения в крепости.

Позже, вплоть до 1917 года, он писал статьи для нескольких десятков журналов, сделал много открытий и изобретений, общался с самим Распутиным. Словом, жил полной жизнью.

После начала большевистской революции Оссендовский стал советником „белого” адмирала Колчака. Его разыскивала ЧК. Спасаясь, ему пришлось

пройти пешком через Россию и Монголию. В её тогдашней столице Урге он стал советником „кровавого барона” Унгерна. Вернувшись на Запад, Фердинанд описал свои переживания в книге „Животные, люди, боги”.

В межвоенный период Оссендовский путешествовал по миру и написал 77 книг, которые были изданы в 150 переводах на 20 языках. Некоторое время он входил в пятёрку самых читаемых писателей мира – общий тираж его книг достиг 80 миллионов экземпляров.

Погиб он при загадочных обстоятельствах в конце войны. НКВД раскопал могилу писателя. Мы так никогда и не узнаем, зачем они это сделали, но возможно, офицеры искали ключи к легендарному золотому кладу Унгерна.

Ellen Alpstén
Caryca
Wydawnictwo
Marginesy, 2022

Эта книга о любовнице, матери и убийце в одном лице. О первой женщине, которая самостоятельно управляла Россией. Эта книга о Екатерине Первой – супруге Петра Великого.

Внебрачную дочь, бедную, но красивую Марту в возрасте пятнадцати лет отдают в служанки. Находясь в отчаянии, она совершает преступление и вынуждена бежать. Идёт Северная война, и девушка устраивается прачкой в воен-

ном гарнизоне. Здесь-то она и попадает на глаза молодому царю Петру Первому.

Страстный и наделённый железной волей Пётр стремится превратить российскую империю в современную западную страну. Бедная девушка благодаря своей сообразительности, отваге и честолюбию становится супругой царя – Екатериной Первой. Но это впоследствии ей дорого обходится.

Когда царь Пётр Первый умирает, империя остаётся без наследника и Россия грозит хаос. Эту пустоту заполняет женщина, десятилетиями стоявшая рядом с царём: такая же безжалостная и страстная, как и он.

Мы видим и увеселения развратной аристократии, и благовонные обряды православной церкви, и ужасы застенков – весь сбивающий с толку и опасный мир царской России живо предстаёт перед глазами. По сравнению с реальными событиями компьютерная игра „Битва за трон” кажется детской сказкой.

Любовь, секс и верность в противовес войне, интригам и предательствам создают историю такую же живописную, экзотическую и мощную, как сама Россия в XVIII веке.

„Царица” – это книга об исключительной женщине, которая, стремясь к власти, изменит Российскую империю.

Erin Litteken
**Strażniczka
wspomnień**
Wydawnictwo MUZA,
2022

Эрин Литтекен – писатель с историческим образованием и любовью к поискам, живущая в США.

Будучи ребёнком, она услышала историю своей украинской прабабушки. Этот рассказ стал началом многолетним исследованиям и стала толчком для написания новой книги, которую автор посвятил украинскому народу и которая основана на реальных событиях и семейных рассказах.

Как выжить, когда жизнь стоит меньше, чем горсть пшеницы? Этот вопрос встаёт перед Катей, шестнадцатилетней девушкой, живущей в окружении любящей семьи и влюблённой в соседского юношу. На дворе 1929 год. Спокойную жизнь прерывают вооружённые сотрудники тайной полиции, которые входят в их село, сея страх и опустошение. Начинается один из самых трагичных периодов в истории человечества – голодомор.

Кто-то из нас сегодня в состоянии представить себе, что это такое? Читая эту книгу, я поняла, что мы очень мало знаем историю, мотивацию в поведении того поколения, а ведь о тех событиях нужно было не только говорить, но и кричать!

Эта книга – волнующая история об отваге, человечности и любви, которая выживает даже в самые тёмные времена. Советую её прочитать каждому, кто хочет понять украинский народ, его историю, и найти ответы на сегодняшние вопросы.

Подготовила Иоанна Грончевская

Гордость Харьковского университета

В царские времена тысячи выходцев из Польши переезжали на украинские земли Российской империи. Многие из них внесли неоценимый вклад в развитие науки и техники. Одним из примеров таких достижений являются поляки – научные сотрудники Харьковского университета. Пришло время вспомнить их – по большей мере ныне забытые – имена.

Историю поляков, преподававших в Харьковском университете (его полное название Императорский Харьковский университет), следует начать с упоминания графа Северина Потоцкого (1762–1829), который, правда, не был учёным. Этот аристократ – по приказу министра просвещения Петра Завадов-

ского – вместе с Адамом Чарторыйским и священником Иеронимом Стройновским разработал принципы организации Виленского университета, которые впоследствии рассматривались как общеприменимая модель для всех вузов империи. В 1802 г. Потоцкий был назначен попечителем Харьковского учебно-

го округа и контролировал работу всех школ на территории 11 губерний и 7 уездов, в том числе в Крыму и на Кавказе. Для графа эта должность означала возможность проводить собственную образовательную политику в подведомственной ему области.

Потоцкий выступал за создание университетов в небольших городах. В то время в Харькове, ныне втором по величине городе Украины, проживало всего около 10 000 жителей. Благодаря Потоцкому новый университет получил широкую автономию, выражавшуюся в независимости этого учреждения от губернских властей. Главнейшей задачей Потоцкого был подбор научных кадров.

Хотя Харьков был небольшим провинциальным городком, поляк считал, что созданный университет достоин того, чтобы в нём преподавали выдающиеся учёные. Граф даже пригласил Иоганна Гёте занять кафедру литературы. Хотя великий поэт отказался от этого предложения, он порекомендовал своего друга, философа Иоганна Шада, доцента Венского университета, приехавшего в Харьков в 1804 году. Потоцкому отказал также Николай Карамзин, выдающийся историк и писатель. Несмотря на отказы, Потоцкий не уныл и со временем его приглашения приняли учёные из университетов: Геттингенского, Львовского и Венского. Спустя годы деятельность поляка по заслугам оценили русские исследователи: „Если бы в нашем мире существовали идеальные люди, Потоцкого следовало бы назвать идеалом попечителя”.

Торжественное открытие Харьковского университета состоялось 17 января 1805 года. На тот момент в нём не было преподавателей поляков. Первый из них – Стефан Вигура, приехавший в Харьков в 1814 году сразу же после окончания петербургской медико-хирургической академии. Он провёл в Харьковском университете семь лет. Это был период – по словам украинского исследователя Любови Жванко – „когда медицинский факультет формировался, выбирал направления научных исследований, поэтому можно сказать, что этот представитель польского народа вложил много сил в развитие университета”.

В последующие годы звездой первой величины на медицинском факультете стал Теодор (в России его называли Фёдором) Опенховский, выпускник императорского университета Святого Вла-

димира в Киеве. Потом он несколько лет работал в дерматологической клинике Киевского военного клинического госпиталя. Проходил научные стажировки в Вене, Париже, Лондоне и Страсбурге. Вернувшись из-за границы, устроился на работу в Дерптский университет, где защитил докторскую диссертацию и читал лекции по внутренним болезням и дерматологии. Затем переехал в Петербург. В столице работал консультантом по внутренним и нервным болезням в престижном учреждении – клиническом институте великой княгини Елены Павловны, невестки Николая I.

В 1891 году Опенховский оказался в Харькове, где после двух лет работы был назначен ординарным профессором, а через двенадцать лет – заведующим клиникой. В этот период он опубликовал

27 работ на немецком и русском языках, несколько из них имели новаторский характер. Лекции поляка пользовались огромной популярностью; пациенты ценили его за чуткость и терпение.

Одним из самых выдающихся учёных в сфере гуманитарных наук был Игнатий Данилович, который ранее преподавал в Виленском университете. В Харькове он принял кафедру русского права. Прославился своим увлечением нумизматикой, подготовил каталог медалей и монет для нумизматического кабинета. В 1850-х годах в вузе начал преподавание профессор Антоний Станиславский, ранее работавший в Казанском университете, где в 1851 году защитил докторскую диссертацию. Спустя два года занял кафедру энциклопедии права и кафедру русского права в Харькове. Станиславский

Северин Потоцкий

Игнатий Данилович

был выдающимся учёным, его ценили также русские коллеги. Например, профессор Максим Ковалевский, впоследствии ставший членом Государственной Думы, писал о поляке как об „одном из самых начитанных юристов, которых мне довелось слушать в России”.

В Российской империи профессор Лев Ценковский считается основателем микробиологии и науки о микроорганизмах. В Петербургском университете он не только читал лекции, но и привёл в порядок гербарий и ботанический кабинет. В своих исследованиях он использовал микроскоп, что в то время было редкостью. Следующим этапом карьеры Ценковского стали экспедиции в Африку, где поляк собирал образцы редких растений для императорской Академии наук. Затем он преподавал в Одесском университете, откуда в 1872 году уехал в Харьков. Там возглавил кафедру ботаники, на которой проработал до самой смерти. Именно в этом университете Ценковский сформулировал новаторскую в то время теорию об отсутствии чёткой границы между растительным и животным миром в начальный период их развития, что подтверждало теорию единства органического мира.

В Харькове он разработал вакцины против сибирской язвы. В 1880 году возглавил научную экспедицию на Соловецкие острова, где открыл несколько новых видов флоры и фауны. Власти Харькова поручили ему провести анализ городской водопроводной воды.

Венцом карьеры поляка стало празднование 35-летия его научной деятельности в феврале 1883 г., когда в Харьков приехало более 1000 учёных со всей империи. Поздравительные письма пришли из зарубежных вузов. В конце цере-

монии выступил сам Леон Ценковский: „Я, конечно, знал, что меня поздравят с юбилеем, но всё происходящее превзошло мои ожидания. Сегодня я получил намного больше, чем заслуживаю. Мне кажется, что я надеваю чужой, очень объёмистый плащ, из которого для меня можно было бы пошить сотню плащей (...) Примите мою глубочайшую благодарностью и обещание искреннего и самоотверженного служения науке до тех пор, пока у меня хватит сил”. После смерти поляка власти Харьковского университета почтили его память, установив мраморный бюст учёного в здании вуза и учредив стипендию его имени.

*Виолетта Верницкая,
фрагмент из книги
Polacy, którzy zadziwili Rosję.
Bellona 2020*

Теодор Опенховский

Пьянству бой!

Существует мнение, что в России испокон веков много пили. В действительности в царские времена употребление алкоголя на душу населения была в пять раз ниже, чем сейчас. По уровню потребления алкогольных напитков российская империя находилась на предпоследнем месте среди 10 наиболее развитых стран. В стране действовало 1800 обществ трезвости. Но императору Николаю II и этого было мало – с началом Первой мировой войны он ввёл сухой закон, что, конечно, привело к уменьшению бюджетных доходов.

Исследования показывают, например, что на территории современной Украины, которая была частью Российской империи, в XVII–XIX веке потребление водки среди простого народа было очень низким. Например, для двух- или трёхдневной свадьбы на 60–80 человек покупали, в среднем, ведро или два водки. Стыдно было напиться в воскресенье. Если в деревнях кто-то пил в этот день, то пьяного привязывали к церковной ограде, чтобы селяне, идя в церковь,

могли пристыдить „позорника” и при желании плюнуть в него.

Крепкая мужская дружба

На спиртовую иглу советский народ подсадил... Иосиф Сталин. Сталин родился и вырос в Грузии, где употребление вина являлось давней традицией. Когда во время гражданской войны Троцкий обвинил Иосифа Виссарионовича в злоупотреблении алкоголем, будущий диктатор пожал плечами: „Что поделать,

если мы, грузины, не можем обойтись без вина?”

С приходом к власти Сталина в Кремле появилась новая традиция – обеды и ужины, на которых рекой лился алкоголь, а присутствие партийных товарищей было обязательным. Для Сталина совместное распитие водки и других спиртных напитков было важной частью образа настоящего мужчины, который должен был много пить, при этом не теряя сознание и контроль над телом. Поскольку жёны сановников не одобряли этих пиршеств, а некоторые даже запрещали своим мужьям распитие алкоголя, в этих банкетах участвовали только мужчины.

Кремлёвские банкеты

Иосиф Виссарионович вёл ночной образ жизни. Обычно он просыпался днём, поэтому обедал вечером, а ужинал ночью. Его подчинённые из Политбюро и ЦК должны были – независимо от собственных желаний – вечером явиться к Сталину и пировать всю ночь. Утром диктатор ложился спать, а его гости шли на работу – присутствие на банкете не освобождало их от профессиональных обязанностей.

Никита Хрущев вспоминал: „Я бы сказал, Сталин обожал наблюдать за своими подвыпившими гостями, особенно когда у них развязывались языки или они оказывались в неловком положении. По причинам, которых я не понимал и не могу понять, он получал истинное удовольствие, унижая своих подчинённых. Помню, как однажды он заставил меня станцевать гопак перед несколькими высокопоставленными чиновниками. Приходилось приседать на пятки и выбрасывать ноги вперед, что,

честно говоря, давалось мне нелегко. Одновременно я пытался улыбаться”.

Однажды Маленков и Берия, которые откровенно не любили алкоголь, попытались обмануть Сталина, выпив вместо вина компот. Когда Сталин обнаружил эту уловку, он был вне себя от гнева.

Водка как источник благосостояния

Придя к власти, большевики отменили сухой закон. В начале 1920-х была разрешена продажа и производство вина и пива. В 1925 году, через год после смерти Ленина, в стране началось производство водки. Статистические данные 1927 года свидетельствуют, что только 9–11% детей в возрасте 8–16 лет не пробовало алкоголь. В деревне варили много самогона, потребление которого в 1923–1927 гг. увеличилось в 40 раз!

В городах годовое потребление алкоголя достигло уровня 13 литров спирта на человека. Для сравнения: в царские времена эта цифра была в четыре раза ниже. Более половины всей водки, произведённой в СССР, выпивали в Москве и Ленинграде. В столице регулярно употребляли алкоголь 93,1% семей. В среднестатистических советских семьях расходы на покупку спиртных напитков составляли 10% бюджета.

Власти занялись этой проблемой. С июля 1928 г. издавался журнал „Трезвость и культура”. Общества борьбы с алкоголизмом пропагандировали здоровый образ жизни. По всей стране стали открываться вытрезвители. Закрылись пивоварни в Москве, Ленинграде и других городах. В результате этой политики потребление алкоголя сократилось до 40 %. Сталин был недоволен, ведь это означало уменьшение бюджетных доходов. „Откуда мы возь-

мём деньги? – писал он Вячеславу Мологову в сентябре 1930 г. – Мы должны отказаться от ложного стыда и стремиться увеличить производство и продажу водки. Только это позволит обеспечить обороноспособность страны. Следует помнить, что развитие гражданской авиации требует больших вложений”.

Антиалкогольная кампания была немедленно свёрнута. Общество по борьбе с алкоголизмом было преобразовано в структуру под названием „Здоровая жизнь”. В медицинской литературе стали появляться публикации о пользе „умеренного употребления алкоголя”, а пресса перестала писать о вреде употребления спиртных напитков. Алкоголь продавался даже в рабочих столовых. Кроме того, в фильмах герои стали отмечать свои успехи рюмкой водки. В результате этой политики уже в 1932 году

прибыль от продажи водки составила 5 миллиардов рублей, или 17% всех доходов. А ведь в стране употребляли также вино и пиво.

В феврале 1941 года крепость водки была увеличена с 30 до 40%. После начала войны солдаты получали так называемые „фронтовые 100 грамм”. В послевоенные годы цена на водку была снижена, в продаже появились дешёвые вина. От директоров магазинов требовалось включать в ассортимент как можно больше различных видов спиртных напитков, продавцы вели учёт количества проданного алкоголя. Большинство преступлений совершали люди в состоянии алкогольного опьянения, ведь доходы страны и её вооружение были важнее здоровья советских граждан.

Виолетта Верницкая

Польский Нобель

Он был типичным представителем поколения, о котором Болеслав Прус писал: „... в этой эпохе вершину достигало это странное поколение поляков, которое на своих знамёнах напечатало фразу „Знание – сила”. Существенным признаком их менталитета было убеждение, что будущее мира заключается в стойкой работе на благо цивилизации”.

Он был польским и российским учёным, исследователем, визионером и щедрым филантропом. Работе и науке он посвятил всю свою жизнь, завоевав уважение и признание простых людей и начальства честностью, обязательностью и наивысшим профессионализмом. Его состояние на день смерти составляло астрономическую сумму, он был владельцем 1000 га земли и 220 га морского дна, содержащих огромные залежи углеводородов, а также многих других ценных ископаемых. Доходы с этих участков он пожертвовал польской науке и просвещению и значительную часть – российской науке в знак благодарности за прекрасное образование, полученное им в Петербурге. За этот бескорыстный и щедрый поступок его назвали „польским Нобелем”.

Витольд Леон Юлиан Згленицкий – поляк по происхождению. Его часто называют Виктором, а иногда и Леонидом Константиновичем, польско-российским геологом в силу того, что вся его профессиональная деятельность была связана с развитием науки и промышленности Царства Польского, России и Азербайджана, которые в XIX веке входили в состав Российской империи. Но, по сути, Згленицкий повлиял на развитие нефтяной промышленности все-

го мира. Витольд Згленицкий первым предложил добывать нефть со дна моря, первым рассчитал и создал проект нефтяных платформ, которыми до сих пор пользуется мировая нефтедобывающая промышленность.

Витольд Згленицкий родился 6 января 1850 года в деревне Стара Варгаве (в настоящее время Лодзинское воеводство, Ленчицкий повят, гмина Витоня) в дворянской семье (герб *Prus II Wilczekosy*). Его отец Константин Згленицкий из Плоцка женился на вдове Веронике Скотницкой (в девичестве Залуская). У них родилось четверо сыновей, двое из которых умерли в младенчестве.

Хорошее материальное положение и связи родителей позволили мальчику попасть в губернскую гимназию в Плоцке. Это учебное заведение было основано ещё в 1180 году и считалось самым престижным в районе. Здесь же учился и его старший брат Болеслав. Блестяще окончив это заведение, Витольд, вслед за старшим братом, поступил на физико-математический факультет Главной Варшавской школы (ныне Варшавский университет). Во время обучения братья жили в Варшаве у своей родственницы, получали материальную помощь от родителей, поэтому могли всё своё время посвятить учёбе, не тратя время на

подработки. Гимназию они окончили с наивысшими баллами в дипломах. Старший брат, получив образование, решил вернуться в родной дом и заняться хозяйством в родовом поместье. Витольд решил учиться дальше при финансовой поддержке Болеслава.

Его выбор пал на Горный институт в Санкт-Петербурге. У вуза была прекрасная репутация в Российской империи и за её пределами. Сюда приезжали перспективные студенты и известные профессора из Западной Европы. Институт, организованный в 1771 году, размещался в красивейшем здании на Васильевском острове. Он был не только школой для будущих инженеров-горняков, но и научным центром. При институте работал Минералогический музей с огромной коллекцией экспонатов, а в 1817 году начало действовать Минералогическое общество. Студенты обучались 5 лет. Обучение в Горном институте было довольно дорогим: плата составляла 100 рублей в год. К этому надо добавить рас-

ходы на проживание в столичном городе. Витольд был горд тем, что выбрал именно этот вуз и что проблем с обучением у него не было.

В 70 годах XIX века большой известностью и популярностью среди студентов и научных работников пользовался профессор Петербургского университета Дмитрий Менделеев. Он был прекрасным педагогом, исследователем, учёным и общественным деятелем. Был чрезвычайно работоспособным: мог заниматься одновременно несколькими делами и решать сразу несколько проблем. Менделеев создал при университете химическую лабораторию, где вместе со студентами занимался научными исследованиями, а аудитории на его лекциях были заполнены до отказа. Среди студентов профессора Д. Менделеева был и наш герой. Менделеев высоко оценил способности Зглицкого и предложил ему постоянную работу в его лаборатории после окончания института. Но у будущего инженера была другая

страсть – геология, и он не принял предложения.

Вторая половина XIX века была в Петербурге периодом расцвета литературы, музыки и живописи. Бурно развивалась и промышленность, что способствовало притоку людей и капитала из самой России и из-за границы. Петербург становился очень модным, перспективным и интересным городом. Здесь работали и учились также поляки. По данным переписи населения в 1869 году в Петербурге проживали 11 157 мужчин и 4 522 женщины польского происхождения, представители разных профессий. Такая атмосфера не могла не повлиять на формирование мировоззрения будущего „польского Нобеля”.

В 1875 году Згленицкий стал 891 выпускником Горного института в Петербурге. Он окончил его с наивысшей оценкой, был лучшим студентом, получил звание горного инженера. Молодой горный инженер вернулся на родину и работал сначала в городе Сухедньюв, а

вскоре был назначен руководителем металлургического завода в городе Мрочкув на реке Каменна. Здесь он сразу приступил к модернизации завода и печей. Через год отсталый и нерентабельный завод выпустил 1638 тонн чугуна.

В то же время именно он первым исследовал залежи железных руд и нефти в Царстве Польском. Результаты своих изысканий он публикует на русском языке в петербургском журнале „Нефтяное дело”. В кругах геологов статья вызвала большой интерес, а в кругу знакомых Згленицкого – нескрываемую зависть. Молодого учёного всегда характеризовала лояльность по отношению к властям. Он не расставался со своим горным мундиром, полученным ещё в Петербурге, официальные и частные письма писал по-русски, в разговоре тоже пользовался русским языком.

Молодой инженер делился своими наблюдениями и профессиональными замечаниями с начальством и коллегами из соседних заводов, которые поначалу прислушивались к нему, а потом стали опровергать его новаторские предложения и осложнять их реализацию. Энтузиазм, работоспособность, профессионализм, а также достижения в научной деятельности и успешное совмещение работы с частным бизнесом вызывали зависть, сплетни, интриги, и в конце концов появился донос на Згленицкого в Горный департамент в Петербурге, что привело к увольнению опального инженера и запрету профессиональной деятельности.

Шесть лет талантливому специалисту и учёному пришлось доказывать в суде необоснованность обвинений. В это время он трудился в кузницах в местечках Блото и Пстонжница, которые

приобрёл на собственные средства на государственной распродаже. В 1890 году он был восстановлен на работе и ...покинул Царство Польское. Решением Горного Департамента в Петербурге Згленицкий был назначен на работу в Ригу в качестве мастера в Пробирной Палате, где проработал два года. Среди его клиентов в основном были люди богатые, имеющие вес во влиятельных кругах Петербурга.

В Риге Згленицкий знакомится с самым богатым капиталистом России графом Александром фон Бенкендорффом, который очень высоко оценил его профессионализм и глубокие фундаментальные знания. У графа были доли в нефтедобывающей промышленности в развивающемся Баку. Слухи о польском геологе как о специалисте высокого уровня дошли до столицы. Вскоре из Петербурга пришло предложение для Згленицкого. Горный Департамент направлял его на работу в Донецкий угольный бассейн в качестве главного инженера всего бассейна. Это был тогда один из мощнейших промышленных центров России. Под конец XIX века он

поставлял больше половины продукции стали и более 2/3 добычи угля во всей империи.

Згленицкий по каким-то своим причинам не принял предложения, что вызвало бурю негодования и неудовольствия в Департаменте. В наказание неблагодарного инженера даже хотели выслать в Сибирь. Вероятно, за Згленицкого вступился граф Бенкендорфф, который хотел иметь такого специалиста на своих нефтеносных участках. Згленицкий получил направление на работу в Баку. С этого момента у Згленицкого начала сбываться его мечта, с которой он не расставался со времён его работы в химической лаборатории Менделеева – поиски залежей нефти.

На тот момент Баку был глубокой провинцией Российской империи, местом ссылки взбунтовавшихся офицеров и всевозможного криминального элемента, пристанищем мошенников и любителей лёгкой наживы разных национальностей, и над всем этим витал всеобъемлющий запах гари из-за частых пожаров на нефтедобывающих вышках. Грязь, отсутствие канализации, солёная питьевая вода вызывали бесконечные эпидемии. Это был настоящий ад на земле. Но Баку и весь Апшеронский полуостров были кладёзью чёрного золота, нефть сочилась даже из земли.

В 1873 году здесь было 9 скважин, в 1879 уже 251, а в 1900 году – 1710 скважин. В 1901 году полуостров поставлял 50% мировой добычи нефти и 95% добычи нефти в России. В 1872 году было издано новое, более либеральное, право покупки нефтеносных участков частными лицами. В Баку начал стекаться заграничный капитал, появились сильнейшие представители мировой

промышленности, а среди них братья Альфред, Людвик и Роберт Нобель, парижский банкир Альфонс Ротшильд, английский финансист Джеймс Виши, свои участки нефтеносных земель имел здесь Уинстон Черчилль. Баку превратился в настоящее Эльдorado.

В Баку Згленицкого назначают пробирером (начальником) в Пробирной палате. Ему 54 года и проживёт он здесь ещё 13 лет.

Восточный город славился во всём мире мастерами золотого и серебряного дела. Мастера становились на учёт в Пробирной палате и получали клейма, что позволяло не только упорядочить их работы, но и давало возможность мастерам выезжать на международные выставки со своими изделиями. Мечтой Згленицкого было создание в Баку ремесленных и художественных школ для мастеров по золоту и серебру. В последствии это будет даже одним из пунктов в его завещании.

В городе и округе он слыл отличным специалистом, активным общественным деятелем, являлся членом Бакинского отделения Российского Технического общества, оказывал финансовую помощь городской Технической библиотеке, по его инициативе и по большей части на его средства в Баку был построен водопровод и канализация, он финансировал строительство католического костёла для польского населения Баку. Геологу Згленицкому сначала присвоили звание надворного советника, а через два месяца звание коллежского асессора.

Каждый день Згленицкий пунктуально приходил на работу и пунктуально в 16 часов уходил. Всё своё личное время он посвящал изучению залежей Апшеронского полуострова и Каспийского

моря, а в частности Биби-Эйбатского залива. Он обнаружил залежи железной руды, пирита, молибдена, кобальта, барита, угля, марганца, меди, каменной соли, золота, серебра, мышьяка и составил точную геологическую карту Апшеронского полуострова в масштабе 1:420 000. Карта Згленицкого была первой картой месторождений полезных ископаемых в истории Апшеронского полуострова, и её точность и достоверность были подтверждены позже. Но геолог также обращал внимание на технику и методы эксплуатации месторождений. Поиск места для скважин с помощью лозы считал примитивным и не отвечающим духу времени. Для бакинских нефтяников Згленицкий безвозмездно сконструировал аппарат для измерения кривизны и отклонений при бурении скважин, что намного увеличило скорость бурения и предотвратило частые „дикие” пожары в процессе бурения. Этот аппарат до сих пор работает в нефтяной промышленности.

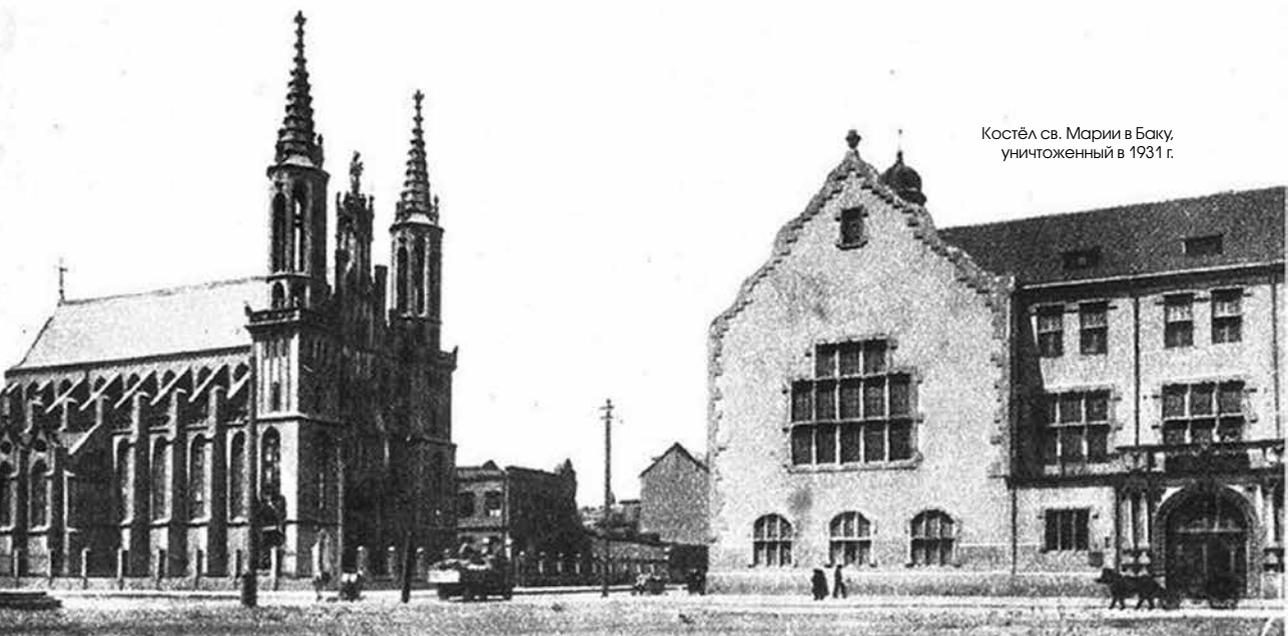
Каждый день в течение трёх лет после работы он садился в лодку и выплывал в открытое море, чтобы исследовать морское дно. Ночью делал измерения, записывал расчёты, спал в лодке, а рано утром возвращался на работу. В результате этих исследований он доказал, что присутствие газонефтяных вулканов на дне моря указывает на богатые залежи нефти. Он установил, что чем ближе к берегу моря находятся территории, тем богаче они нефтью, а под морским дном нефть находится в изобилии. По просьбе Горного департамента Згленицкий представил 165 участков Апшеронского полуострова, в которых указал наибольшее содержание углеводородов. Первые в мировой практике Згленицкий

предложил добывать нефть с помощью специальных платформ, сооружённых на сваях непосредственно в море. По тем временам это был фантастический проект. К сожалению, проект не был одобрен, просьба геолога о продаже ему морских участков для добычи нефти тоже была отклонена. И только спустя несколько лет была создана комиссия для изучения экономических и технических возможностей эксплуатации морских участков; она предложила свою версию по разработке ресурсов: сначала засыпать дно и только потом производить добычу нефти. Департамент также одобрил покупку геологом морского участка. Згленицкий начал искать источники финансирования проекта, старался заинтересовать им Ротшильда и Нобеля, но они не решились вложить свои средства. Реализацию проекта геолог так и не успел начать. В возрасте 51 года он

узнаёт, что болен сахарным диабетом, в то время неизлечимым. Згленицкий решает составить завещание по примеру своего приятеля Альфреда Нобеля, с которым поддерживал частые дружеские контакты в Баку.

3 июля 1904 года, через три дня после подписания завещания, инженер-геолог Витольд Згленицкий скончался. Он похоронен в Польше в деревне Воля-Келпиньска, ныне Сероцк Мазовецкого воеводства.

По завещанию большая часть баснословного состояния В. Згленицкого переходила Кассе имени Мянковского, старейшему фонду поддержки польской науки, на выплату премий для лучших работ в области искусства, науки и литературы, а также Императорскому Петербургскому и Бакинскому техническим обществам, Бакинской библиотеке, Католическому благотворительному об-

Костёл св. Марии в Баку,
уничтоженный в 1931 г.

шеству, членам своей семьи в Царстве Польском и в Баку (официально Згленички не был женат, но у него был сын Анатолий от гражданской жены Марии Виноградовой), друзьям и сослуживцам. Не забыт был даже сторож.

На момент завещания Касса имени Мянковского существовала уже 23 года. Во главе её стояли известные писатели Б. Прус и Г. Сенкевич, врач Т. Холубинский. С 1908 года и по 1915 год по завещанию в Кассу поступил 1 млн 770 тысяч рублей, что составляло 2,4 млн долларов золотом. Эта сумма превышала в полтора раза активы Фонда им. А. Нобеля! Первый и последний раз у Кассы было денег больше, чем она могла истратить.

После Первой мировой войны и Октябрьского переворота в России завещание Згленичского перестало выполняться. Пришедшие к власти большевики провели национализацию всей частной собственности.

Императорским Горным департаментом было принято решение засыпать Биби-Эйбатский залив и только потом добывать оттуда нефть. В 1906 году был объявлен международный конкурс на выполнение этих работ. К ним приступили в 1909 году, а год спустя руководить этими работам поручили Павлу Потоцкому, поляку по происхождению, который воплотил идею своего предшественника Витольда Згленичского в жизнь и также сыграл большую роль в развитии нефтяной промышленности на Апшеронском полуострове, продолжая добычу нефти со дна моря.

Ольга Красецкая

Памятник в Плоцке

Нефтяной Командарм

На рубеже XIX–XX веков в Каспийском море на Апшеронском полуострове в Биби-Эйбатской бухте были обнаружены богатейшие залежи нефти и газа. Решено было засыпать бухту и приступить к добыче. В 1910 году для выполнения работ по засыпке был приглашён инженер с польскими корнями, Павел Потоцкий.

Павел Потоцкий

Инженер приехал... и остался в истории Азербайджана навсегда: последние двадцать лет своей жизни он добывал здесь нефть, десять лет из которых, будучи абсолютно слепым, он руководил работами самой грандиозной стройки в истории мировой горной промышленности – засыпкой и осушением Биби-Эйбатского залива.

Он не был лично знаком с Витольдом Згленицким (см. стр. 27), но именно он воплотил в жизнь его мечту о добыче

нефти со дна Каспийского моря. Потоцкий тоже занимался изучением природных ресурсов Апшеронского полуострова, составлял геологические карты месторождений, не будучи по профессии геологом. В шутку его называли Згленицким Вторым.

В то время его имя было известно во всех уголках земного шара, о нём писали газеты и журналы. Ему посвятили свои произведения поэты Маргарита Алигер и Рамиз Гейдар. Писатель Гусейн Наджаров описал встречу Потоцкого с поэтом Есениным в повести „Балаханский май”, а Георгий Холопов в книге „Огни в бухте” в образе Павла Николаевича Богомолова показал фрагменты из жизни Потоцкого.

Биби-Эйбатская бухта после осушения

Максим Горький после возвращения из Баку писал, что слышал легенды о польском инженере, „который совершенно слеп, но так хорошо знает Биби-Эйбат, что безошибочно указывает на карте место работ и точки, откуда следует качать нефть”. В 1925 году в четвёртый раз в Баку для встречи с Павлом Потоцким приезжает поэт Сергей Есенин.

Один из рабочих писал об инженере: „В поход на морское дно нас вёл слепой инженер Потоцкий. Он умел драться с морем! Не видя бумаг, планов и чертежей, товарищ Потоцкий держит их все в уме”. Рабочие с почтением звали его Командармом и полностью ему доверяли.

Павел Потоцкий жил на рубеже смены политического строя, но и новая власть доверяла ему руководство работами по засыпке Биби-Эйбатского залива. В 1931 году Потоцкий одним из первых в СССР был награждён орденом Ленина за выполнение нефтяной пятилетки за 2,5 года.

Семья Павла Потоцкого происходила из старейшего польского дворянского рода, имеющего подтверждённую родословную с XI века. Фамилия Потоцкий происходит от названия деревни Поток близ Кракова. Это старейший шляхетский, а позднее графский польский род. Большинство Потоцких обладали военными способностями, за что им оказывали покровительство канцлер Ян Замойский и польский король Сигизмунд III. Отец Павла, Николай Платонович Потоцкий, генерал от инфантерии (пехоты) в 1862 году уехал в Петербург, учился в Михайловском артиллерийском училище и был оставлен в академии штатным преподавателем артиллерии и начертательной геометрии. Он – автор

многих военно-литературных трудов. Его младший брат так вспоминает его: „Честный, умный, простой и добрый, он до конца жизни сохранил эти качества, указав нам с младенческих лет, что ученье, труд, исполнение своих обязанностей и нравственность развивают и подготавливают человека к разумной жизни и полезной деятельности, будучи для нас примером выдающихся качеств человека”.

Павел Потоцкий унаследовал не только внешность, но и все лучшие черты характера своего отца. Мать Павла, Екатерина Карловна, в девичестве Шейцман, была дочерью генерал-лейтенанта, уроженца г. Мангейма Баденского герцогства, обрусевшего немца и его законной супруги, дворянки, Екатерины Павловны Курдюмовой. Мать интересовалась поэзией, любила читать и слушать музыку, была нежной и заботливой. Это она научила сына видеть и создавать вокруг себя красоту, гармонию и порядок.

Родился Павел Потоцкий в Петербурге, начальное образование получил дома под присмотром гувернёров, которые большое внимание уделяли математике, естественным наукам и иностранным языкам. Отец хотел видеть сына военным в соответствии с родовой традицией и определил сына в самое престижное военное заведение Российской Империи – в Пажеский корпус. Павел окончил его блестяще, но связывать свою жизнь с карьерой военного не захотел и в 1895 году поступил в Институт путей сообщения Императора Александра I на специальность гидротехника. Это был первый технический вуз России в области транспорта и его строительства, основанный ещё в 1808 г. В этом институте обучалось много польской молодёжи

– 10% всех студентов. Павел Потоцкий посещал также лекции по интересующим его предметам в Петербургском университете и в Горном институте.

В 1900 году Павел был направлен Министерством путей и сообщений в Париж на Всемирную выставку на обслуживание экспозиции, посвящённой Транссибирской магистрали, где и проработал семь месяцев.

В 1901 году Потоцкий с отличием окончил институт и был направлен на учёбу в Голландию, где он изучал землечерпательные машины. Потом был Херсон и руководство работами на строительстве канала на Днестре. Это было мероприятие, сравнимое по масштабу гидротехнических работ только с Панамским каналом, и такое предложение было чрезвычайно почётно для молодого инженера. В Херсоне Потоцкий получил готовый проект канала, но составил свой, который вдвое сократил сроки работ. До сих пор во время отлива, когда вода обнажает стену мола, на ней видна надпись: „Потоцкий”. Это память портовиков о гениальном инженере. До 1910 года инженер Потоцкий спроектировал и построил несколько каналов в устье Днестра. Его проекты были безукоризненными, а работы по их реализации – самыми дешёвыми и рациональными. В 1901 году в Петербурге было принято

решение осушить 330 га Биби-Эйбатского залива, а в 1906 году объявлен международный конкурс на проект засыпки канала. Были представлены 8 проектов из России и 8 из-за границы. Конкурс выиграл главный инженер строительного общества из Франкфурта-на-Майне Людвиг Гюнтер. В 1909 году начались работы, но шли они очень медленно и непрофессионально, поскольку немецкий инженер не имел понятия о специфике работы в очень жарком климате, на песчаном грунте и с рабочими – представителями 70 национальностей.

Вскоре немецкий инженер вообще отказывается от руководства и предлагает продолжить проект инженеру с мировым именем – Павлу Николаевичу Потоцкому. В 1910 году Потоцкий с семьёй приезжает в Баку.

Потоцкий был мужчиной высоким, слегка сутулым, ходил с тростью, курил и любил чай и пиво, а также игру в шахматы, был малообщительным, аполитичным человеком. Его жена, Надежда Анатольевна, была русской и к тому же православной. Была у них верная домработница, которая последовала за ними в Херсон, а позднее и в Баку. В 1906 году в Херсоне у Потоцких родилась дочь Лидия. Училась она посредственно, зато с любовью занималась музыкой и танцами, была очень похожа на свою бабушку Екатерину Карловну.

На новом месте работы Павел Потоцкий приступает к выполнению работ по засыпке залива. Потоцкий заказывает для работ по сооружению дамбы в Сорновском заводе в Нижнем Новгороде караван землесосных судов, которые, однако, не дошли до Баку из-за начала Первой Мировой войны. Караван судов был передан Балтийскому флоту для

военных целей. Несмотря на это, часть бухты всё-таки была засыпана. Вскоре работы в Биби-Эйбатском заливе были прекращены.

Случился Октябрьский переворот, к власти пришли большевики, произошла национализация промышленности. Миллионеры – владельцы нефтяных месторождений долго сопротивлялись новому порядку, боролись за свою ответственность, но поняв, что шансов вернуть историю вспять нет, начали массово уничтожать нефтедобывающее оборудование, машины, вышки, скважины, краны. В особенности это касалось предприятий братьев Нобель и Ротшильдов. Территории нефтедобывающих заводов превращались в груды металлолома и пустыли. Гражданская война привела к полной разрухе нефтедобывающей промышленности.

В августе 1919 года Потоцкий ослеп на один глаз, а через три месяца в 90% потерял зрение во втором глазу. Его направляют на лечение в Москву, но через три месяца лечения инженер возвращается в Баку с „приговором” – атрофия зрительных нервов. Ему 41 год. Павел Николаевич в отчаянии. Семья Потоцких переезжает в глухой район Баку, хозяин не показывается в обществе, ведёт жизнь отшельника. Напротив их дома находился рабочий кооператив, и там

требовался счетовод. Инженер с мировым именем начинает работу в магазине.

В то время известный геолог Д. Голубятников писал о Потоцком: „Этот талантливый инженер, которому мы обязаны засыпкой бухты, потерял зрение в расцвете своих сил. Надо надеяться, что „Азнефть” найдёт возможности обеспечить этого труженика, тем более что „нефтяные короли” не заплатили ему за исполненную колоссальную работу по засыпке бухты. Засыпанную бухту мы получили даром”.

К мнению геолога прислушались и предложили инженеру Потоцкому вернуться к работам по засыпке бухты. Павел Николаевич принял предложение сразу, а его поводырём стал дочь Лидия.

Теперь он составил новый план по осушению бухты. Предполагалось отделить часть бухты каменным насыпным валом и из получившегося „ковша” вычерпать воду. Это была поистине титаническая работа, люди трудились в четыре смены. После тяжёлых военных лет не хватало строительных материалов, машин, и реализация этого проекта казалась невозможной. Но не для Потоцкого. Он находил выходы из самых сложных ситуаций. Не хватало стали для строительства вышек, ковшей и вагонеток – инженер предложил изготавливать их из дерева, и они прекрасно работали. Когда на первой вышке на осушенной территории разразился огромный пожар, а слишком короткие трубы не доходили до воды, Потоцкий предложил гасить ревущий пожар песком, подаваемым по этим трубам, и огонь удалось погасить. Впоследствии его метод стал использоваться для гашения огня при помощи прессованного песка, подаваемого в скважины под высоким давлением.

Павел Потоцкий справа

В 1922 году на осушенной территории площадью 27 га была поставлена первая буровая скважина, а через год с глубины 460 м со дна моря ударила сильнейшая струя нефти. С этого момента началась эпоха добычи нефти со дна моря.

При осушении „ковша” по первому проекту работали 500 рабочих и были установлены 50 буровых скважин, 8 из которых в 1928 году дали нефть на 4 млн рублей, хотя затрачено было 650 тысяч рублей. Именно за эту работу Потоцкий получил первую премию на Всероссийском конкурсе за лучшую стройку. А первая скважина под № 5 сохранилась до наших дней и служит историческим экспонатом. После успешного выполнения первого проекта Потоцкий приступил к осуществлению второго, который предусматривал осушение ещё 79 га морского дна. Но ему не суждено было дожить до окончания работ. Он скончался 15 марта 1932 года от заражения крови.

По просьбе Павла Николаевича похоронен он был на отвоёванной у моря суше. Четыре недели у могилы Потоцкого круглосуточно несли вахту его друзья, рабочие-нефтяники и строители в знак глубочайшего уважения к его самоотверженности, высочайшему профессионализму и знаниям. Одна из улиц Баку, столицы Азербайджана, названа именем П. Потоцкого.

У парапета за оградой из розового туфа установлен каменный саркофаг, позади которого – надгробие с надписью на трёх языках: азербайджанском, польском и английском: „Польский инженер Павел Потоцкий (1879–1932) путём осушения бухты Биби-Хейбат впервые в мире осуществил добычу нефти со дна моря”.

Нам остаётся только недоумевать, почему человек, всю жизнь проживший и проработавший в Российской империи, так и не удостоился на своей могиле надписи на русском языке, на котором изъяснялся всю свою жизнь?

В 2005 году по инициативе посольства Республики Польша в Азербайджане на месте старого памятника был воздвигнут новый, автором которого стал местный скульптор Ривзан Бабаев. А у подножия памятника простирается засыпанное дно Биби-Эйбатского залива, на котором сегодня работают 2056 буровых скважин или 55% от всех пробуренных скважин на Апшеронском полуострове. Этому посвятил всю свою жизнь талантливый слепой инженер польского происхождения.

Ольга Красецкая

Пророк и диссидент

Несмотря на все сложности, связанные сегодня с восприятием русской культуры, в Польше вышла биография нобелевского лауреата по литературе Александра Солженицына. Интересен тот факт, что на русском языке эта книга ещё не издавалась.

Книгу „Пророк и диссидент” написал Борис Соколов – московский историк и литературовед, автор сотен научных и популярных статей и книг. Среди его работ произведения о Булгакове, Есенине и Гоголе.

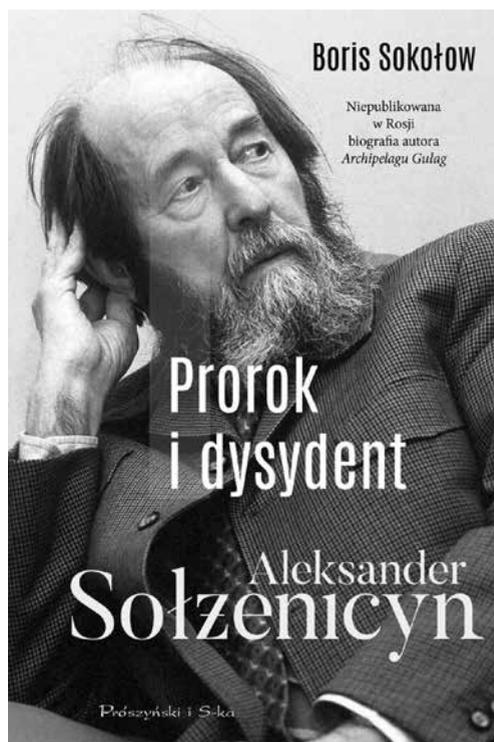
На презентации биографии автор сказал: „В своей книге я обращаю внимание на некоторые до сих пор малоизученные нити из жизни и творчества Солженицына. В первую очередь я стараюсь показать, как отразился в его произведениях военный опыт периода Второй мировой войны”.

Книга читается относительно легко, ибо написана научно-популярным языком. Уклон сделан в историю создания и публикаций произведений Александра Солженицына. Некоторые из этих произведений были написаны, когда Александр Исаевич отбывал восьмилетний срок.

Также это история о человеке, который в юности не попал в заветную школу актёрского мастерства, после работал учителем математики, а в годы войны был заместителем командира батареи разведывательного дивизиона, был осуждён по 58-й статье и отправлен в ссылку. Это история Нобелевского лауреата и, одновременно, человека, который побоялся выезжать для получения премии, так как не хотел стать невозвращенцем. Как написал в своей аннотации к книге поль-

ский учёный Хероним Граля, Солженицын, возвращаясь домой через Сибирь, предстаёт в образе мифического Антея, „великана, которому одно прикосновение к матери-земле восстанавливало его силы”. Писатель, вероятно, видел себя таким, и когда он, наконец, добрался до Москвы из ссылки – это было общенародным событием, и толпы поклонников встречали его на улицах, как рок-звезду.

Светлана Агошкова

Событие, которое происходит раз в сто лет

Один из старейших академических коллективов в Польше, академический хор Варшавского университета отмечает свой 100-летний юбилей! Первый концерт праздничного сезона прошёл в начале декабря в варшавском костёле Всех Святых.

Хор под руководством давнего приятеля нашего издания Ирины Богданович вместе с симфоническим оркестром им. Витольда Лютославского из Плоцка исполнили хоровое произведение Моцарта „Торжественная вечерня” и мессу „Глория” Франсиса Пуленка, написанную для сопрано, хора и оркестра.

Сольные партии исполнили Дорота Щепаньская, Марта Мика, Павел Ковалевский и Кшиштоф Халимонюк. Финансовую поддержку оказали столичная мэрия и фонд Варшавского университета.

В интервью для радио *RDC* Ирина Богданович перед концертом поделилась своей радостью: „ Этот концерт – результат огромной работы и хора, и оркестра, которая принесла нам много счастливых минут. Это не только наш праздник, но и тех, кто работал на этот юбилей много-много лет. У нас есть общество любителей хора – это уже бабушки и дедушки, и у них есть свой хор. И этот праздник – их праздник!”

За свою историю через коллектив прошли десятки тысяч любителей хорового пения, а среди них и такие известные исполнители, как Ян Кепура и Ядвига Раппе. В разговоре с корреспондентом *RDC* Ирина Богданович, которая больше 20 лет возглавляет этот коллек-

тив, отметила, что без работы в хоре она, как человек, была бы совсем другой:

– Я никогда не думала, что можно так долго быть в одном коллективе. И на каждой из репетиций мне хочется отблагодарить их за ту любовь, радость, которую они мне дают, за их открытость. Они „работают” надо мной и меняют меня каждый день. Наше главное правило в хоре: не важно, сколько ты даёшь, важно, что ты даёшь всё, что у тебя есть. Меняемся мы, меняются и условия жизни хора: мы можем сейчас чаще работать в студии звукозаписи, мы используем другие микрофоны, можем высылать свои записи на различные онлайн-фестивали, мы также можем учиться на чужих записях. Но для меня важнее то, что не меняется. Не меняются потребности людей делиться своими чувствами, делиться своим голосом и вслушиваться в голоса других.

Каждое выступление хора – это результат многочасовых репетиций. Чем больше времени мы посвящаем работе над музыкальным произведением, тем более понятным оно становится. Я считаю, что сначала любое произведение нужно почувствовать, потом полюбить, а только потом понять. И стараюсь это передать участникам хора.

Мы от всей души поздравляем творческого руководителя академического хора Варшавского университета Ирину Богданович и всех хористов, бывших и настоящих, с первой сотней лет служения на благо сохранения музыкального

наследия, которым является хоровое пение. А кроме того, мы получили приятное известие, что Ирина Богданович защитила кандидатскую диссертацию!

Ирина Корнильцева

Келецкое барокко

Оригинальный дворец-резиденция в стиле раннего барокко первой половины XVII века – Дворец краковских епископов – одна из самых великолепных и лучше всего сохранившихся резиденций эпохи Ваза. Сейчас в его стенах расположен филиал Национального музея в Кельцах.

В архивах можно встретить записи о том, что здесь ещё в XII веке, возможно, стояла деревянная постройка. Известно, что в 1142 году в Кельцах умер краковский епископ Радост, а значит, вполне мог уже функционировать и небольшой двор. В 1535 году Пётр Томицкий возводит первые каменные строения взамен деревянных. Причём, известно, что к 1601 году была уже довольно хорошо спланированная территория, так как во время бушующей в Кракове эпидемии тут жил епископ Бернард Мацеевский.

Само здание дворца, которое мы можем посетить сегодня, было построено в 1637–1641 годах на Соборном холме по инициативе и на частные средства великого канцлера короны и епископа Кракова Якуба Задзика. Якуб Задзик не отличался скромностью, и это видно в размахе строительства, хотя канцлер не дожил до завершения работ, которые сам финансировал. Сохранился даже его ответ на приглашение посетить Потсдам: „*Po chahupach nie jeżdżę*”. Руководил проектом Томас Пончино, но автором архитектурной концепции называют Джованни Тревано, являвшегося придворным строителем Зигмунда Вазы.

Идея росписи и скульптурного убранства своей резиденции принадлежала самому уже тяжелобольному Якубу Задзику. В 1642 году были готовы основ-

ной корпус и въездные ворота. Целых два года скрупулёзно велись отделочные работы. Когда основатель умер, работы остановились, но довольно быстро были возобновлены преемником Петром Гембицким, который устроил в здании роскошную резиденцию.

Строительство велось семь лет. Последним штрихом к роскоши стал изысканный итальянский сад.

Дворец стоит на просторной площади перед коллегиальным костёлом. Когда-то со стороны кладбища костёл был обнесен стеной, в ней были бойницы и ворота, способные выдержать натиск нападающих. Первый этаж поддерживают три сводчатые аркады. Стены, соединяющие замок с башнями, украшены четырьмя каменными статуями, по две с каждой стороны здания. Статуи представляют шведских и русских парламентариев, с которыми основатель заключил почётные для республики договоры. Статуи в русских костюмах представляют собой напоминание о договоре на реке Поляновке, заключённом 17 июня 1634 года.

Русское царство на переговорах представляли боярин Ф. Шереметев, окольничий князь А. Львов, дворянин С. Проестев и пр. Первые два и стали прототипами для статуй. Планировка комнат дворца, их назначение и размер

отличались от типичной магнатской резиденции, но одновременно это не были и монастырские постройки. Жилые помещения были менее аскетичными, а залы для гостей украшены богаче. Сейчас на стенах – портреты краковских епископов, начиная с первого и заканчивая князем Альбертом перед Задзиком. Из зала попадаем в два богато украшенных росписями помещения с потолками, покрытыми холстом и расписанными маслом.

Апартаменты епископа состояли из трёх покоев, спальни, часовни, сокровищницы и подсобного помещения. Из четырёх гостевых апартаментов два были оставлены в распоряжении почётных гостей – носили название сенаторских, а после пребывания в 1702 г. шведского короля Карла XII – королевских. Два других предназначались для духовных сановников – это так называемые Прелатские комнаты. Большинство комнат были украшены каменными или мраморными порталами, дубовым паркетом и балочными потолками, на стены вешали гобелены, а тепло обеспечивали печи или богато украшенные камины.

Внешний вид дворца не претерпел каких-то больших изменений вплоть до конца XVII века, и в это время дворец выполнял свою прямую функцию – был резиденцией краковских епископов. Внутреннее же убранство передельвалось под каждого нового епископа. В XVIII веке в резиденции поселился епископ Константин Фелициан Шанявский, который решил построить боковые крылья вдоль южной и северной сторон двора. Строительство южного крыла было закончено к 1727 году. А северное уже заканчивал его преемник епископ Ян Александр Липский.

Боковые крылья, помимо предоставления дополнительных жилых помещений, изменили характер планировки дворца, приблизив его к французской резиденции типа *entre court et jardin* („между двором и садом“).

Дальнейшая модернизация дворца и перестройка интерьеров были проведены при епископе Каетане Солтыке, который постоянно проживал здесь с 1782 года. Солтык был епископом киевским в 1756–1759 годах и краковским в 1759–1788 гг. В 1763 году после смерти польского короля Августа III Каетан Солтык, яростный противник Чарторыйских, выступил против избрания на королевский престол Станислава Августа Понятовского, но затем, из-за ухудшения здоровья, несколько отошёл от политики.

Вернулся он в политику в середине 1760-х годов, когда русский посол князь Николай Репнин, обладавший огромным влиянием в Речи Посполитой, стал поддерживать униатов, протестантов и православных и требовать равноправия с католиками. Солтык выступил против власти Репнина, за что был арестован и сослан в Калугу. В 1773 году Каетан Солтык был освобождён из ссылки и вернулся в Польшу. Однако в 1782 году его объявили безумным и лишили кафедры.

Первые серьёзные изменения в пространственной организации дворцового комплекса произошли в первой половине XVIII века, когда к основному зданию были пристроены два одноэтажных боковых флигеля. В северном флигеле размещалось здание гауптвахты и придворная кухня. Со временем окрестности дворца „обогатились” хозяйственными постройками. Этого требовал высокий уровень жизни его обитателей и гостей.

Также возвели новые жилые дома, зернохранилища, конюшни, ледник, пивоварню, винокурню, две мельницы, псарню и даже великолепную оранжерею.

По решению Четырёхлетнего сейма от 26 августа 1789 года имущество краковских епископов, включая дворец, перешло в ведение государственной казны. С тех пор здание использовалось в основном в административных целях и постепенно разрушалось. В 20-30-х годах XX века дворцу вернули первоначальный облик. Хотя в период немецкой оккупации новые власти провели реконструкцию интерьеров на свой вкус. После войны здесь располагались офисы провинциального совета. А с 1971 года здесь разместили музей и начали многолетний ремонт.

Несмотря на преобразования, произведённые во второй половине XIX века, дворец сохранил первоначальную форму и отделку фасада. Внутри мы также можем любоваться оригинальной

лепниной над лестницей, порталами из мрамора и песчаника, полихромиями с портретами краковских епископов, потолочными фресками, а также красивыми историческими сюжетами на плафонах, выполненных по заказу епископа Задзика в живописной мастерской Томаша Долабеллы.

С западной стороны дворца в 2003 году реконструировали сад в стиле ренессанса, отсылающий к итальянским образцам. Газонные кварталы со стороны дворца имеют вырубленный в дерне геометрический узор. Некоторые участки засадили формованным самшитом и сезонными цветами: тюльпанами, нарциссами, анютиными глазками. Декоративный сад окружили яблоневым садом.

Возможно, любопытство приведёт вас в Кельце и вы своими глазами сможете насладиться этим историческим наследием.

Светлана Агошкова, фото автора

Прогулка со звёздной подругой

После прогулки по жизни с подругой детства Ханей, о которой я писала в предыдущем номере, судьба подарила мне встречу с другой подругой, но с тем же именем. Семитское имя *Hannah* – очарование, благодать – характеризует её как нельзя лучше. Речь пойдёт о выдающемся польском скульпторе – Ханне Пашкевич, монументальные и камерные скульптуры которой можно увидеть в Польше, Латвии, Германии, Италии.

Наши пути с Ханей пересеклись много лет тому назад в совершенно неожиданном для нас обоих месте – славном городе Будапеште, куда мы попали, как две белые вороны, с торговой экскурсией, основной целью которой для большинства участников было продать польские полотенца и купить венгерские свитера типа „шетланд”, а в свободное от торговли время мельком взглянуть на левый и правый берег Дуная с грандиозными достопримечательностями.

Таким образом, не имея полотенец, только я и она обрели полную свободу наслаждаться свиданием со столицей Венгрии. Вдобавок только у меня была карта Будапешта, что в атмосфере совершенно непонятного и чуждого нашему уху венгерского языка составляло истинное спасение от полной дезориентации в пространстве. В Будапеште решительно не работало правило „язык до Киева доведет”. Именно поэтому милая, симпатичная, скромная пани из Щецина с фигурой модели была обречена на меня, а я с удовольствием – на неё. Мы быстро и поверхностно осмотрели исторический центр Будапешта, внесённый

в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, с его изысканной архитектурой: гору Геллерта в Буде и роскошное здание Парламента в Пеште, раскинувшиеся вдоль берегов Дуная и соединённые великолепным цепным мостом Сеченьи. После обязательной экскурсии мы, не сговариваясь и охотно, углубились в места, не обозначенные на карте значком достопримечательности. Недалеко от здания Парламента вдоль Дуная мы отыскали безлюдный небольшой зелёный сквер с оригинальными скульптурами, которые принялись с удовольствием рассматривать. Ханя скромно делала замечания, а я и не подозревала тогда, что рядом со мной – один из наиболее значимых скульпторов послевоенной Польши...

Мы вернулись по своим городам и домам, а это было во времена, когда „дерева были большими”, не было телефонной связи и люди, да-да, писали друг другу письма! Исписанные мельчайшим почерком письма от Хани всегда были для меня подарком. Спустя год после нашей встречи в Будапеште, я выбралась в гости в Щецин к моей нежной „венгер-

ке” и лишь тогда, в её старом доме „с душой” в Арконском лесу, открыла, с кем я имею дело. Её таинственный скрипящий дом был полон настоящих чудес – на старых сундуках и комодах стояли изысканной формы статуэтки из бронзы и латуни, абстрактные каменные глыбы с плавными изгибами округлой формы, вышедшие из-под руки Хани, а на стенах – портреты и картины в духе постимпрессионизма не менее талантливой её дочери Эли Бланки.

Наши циклические чаепития и задушевные беседы с Ханей в атмосфере её дома можно сравнить с погружением в атмосферу минувших времён, когда и время умиротворённо струилось, а не несло стремглав, когда материальный комфорт проигрывал духовному, когда ещё ничего не предвещало нашей опасной киберзависимости и растущего социального отчуждения в будущем.

Мы гуляли с Ханей по Щецину, и после её домашних камерных творений мне пришлось столкнуться лицом к лицу с её же грандиозными произведениями – скульптурой герцога Поморья Богуслава X и княжны Анны Ягеллонки (созданной в соавторстве с Леной Хмельник в 1974 г.) возле Замка Поморских Князей; скульптурами „Материнство I” в парке им. Жеромского с до боли правдивым выражением лица матери младенца – не восторженной мадонны, как это принято изображать, а усталой невыспавшейся женщины с маститом груди; „Материнство II” на ул. Мицкевича; „Крылья” в парке им. Каспровича; „Фонарщик–Прометей” в том же парке им. Жеромского. На вопрос о зарубежных своих работах Ханя скромно перечислила скульптуры: „Убежище” (Рига, Латвия), „Гольфист” (Обернкирхен,

Ханна Пашкевич

Давние подруги

В доме скульптора
Ханны Пашкевич

Германия), „Идол” (Маргано, Италия), „Связь” (Беринген, Германия).

Последняя наша встреча с Ханей произошла этим летом. Меня пригласили на их совместный с дочерью вернисаж „Портрет дочери – портрет матери”, который прошёл с ошеломительным успехом с 7 апреля по 19 июня в Щецине в музее современного искусства. Как говорится, такую музыку ещё не играли!

Взаимные отношения матерей и дочерей нечасто являются темой в современной культуре. В данном случае организаторам выставки великолепно удалось показать соединение классического искусства резьбы матери с современными средствами самовыражения в искусстве дочери и сломать стандартную патриархальную схему продолжения детьми достижений родителей.

Эта сентиментальная выставка представляла 20 скульптур матери, фильм дочери о матери и две новые работы дочери „Смысл тела” и „Натуральная селекция”. Это был диалог матери с дочерью на высочайшем уровне уважения друг к другу, столкновение двух ярких индивидуальностей, без тени элементов соревнования.

В начале творческого пути дочери мать была её ментором, но со временем их роли поменялись. Используя современные средства самовыражения, теперь дочь ведёт мать по новым тропинкам в мире искусства. Сама Ханя признается, что заряжается от Эли молодостью и новым видением мира, которого бы не познала, если бы у неё не было дочери. Благодаря ей она чувствует себя современной личностью, а не 80-летней старушкой.

В свою очередь Эля Бланка, которая так остро чувствует и передаёт в сво-

их работах проблему быстротечности и увядания, яростно протестует против термина „натуральной селекции”, который особенно часто употреблялся совсем недавно во время пандемии. Для Эли Бланки любой возраст ценен и прекрасен.

В своём фильме о матери, который и лёг в основу вернисажа „Портрет дочери – портрет матери”, она – зрелая женщина – с нескрываемым восторгом говорит о матери, которая всегда была для неё недостижимым образцом работоспособности, сосредоточенности, жертвования собой, излучаемого света внутреннего и внешнего. И всё это каким-то совершенно невозможным образом, по словам дочери, мать исполняла в атмосфере скромности и смирения!

В своём фильме дочь попыталась (и ей это удалось!) показать не только мать-творца, но прежде всего – мать-человека с негаснущей харизмой, талантом, с чудесной душевной самоиронией по отношению к окружающему миру и его красоте, миру, в который она привнесла свою значительную лепту.

...Вечерами я сижу в своей гостиной, наслаждаюсь видом „живого” моря на картине авторства Эли Бланки-дочери, с книжной полки на меня поглядывают творения Хани-матери (латунное писательское перо и гравюра-барельеф с изображением уроженки Щецина царицы Екатерины II), и каждый раз благодарю судьбу за ту поездку в Будапешт и знакомые встречи на моём пути родственных душ.

Светлана Ночка, фото автора

М. БУЛГАКОВ

„МАСТЕР И МАРГАРИТА”

„Помилуйте... Разве я позволил бы себе налить даме водки? Это чистый спирт!”

„Мы говорим с тобой на разных языках, как всегда, но вещи, о которых мы говорим, от этого не меняются”.

„Недоброе таится в мужчинах, избегающих вина, игр, общества прелестных женщин, застольной беседы. Такие люди или тяжко больны, или втайне ненавидят окружающих”.

„Никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами всё дадут”.

„Люди как люди. Любят деньги, но ведь это всегда было... Человечество любит деньги, из чего бы те ни были сделаны, из кожи ли, из бумаги ли, из бронзы или из золота”.

„Злых людей нет на свете, есть только люди несчастливые”.

„Всё будет правильно, на этом построен мир”.

„А факт – самая упрямая в мире вещь”.

„Приятно слышать, что вы так вежливо обращаетесь с котом. Котам обычно почему-то говорят „ты”, хотя ни один кот никогда ни с кем не пил брудершафта”.

„Несчастный человек жесток и чёрств. А всё лишь из-за того, что добрые люди изуродовали его”.

„Вы судите по костюму? Никогда не делайте этого. Вы можете ошибиться, и притом, весьма крупно”.

„Тот, кто любит, должен разделять участь того, кого он любит”.

„Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви? Да отрежут лгуну его гнусный язык!”

„Зачем же гнаться по следам того, что уже окончено?”

„– Трусость – один из самых страшных человеческих пороков.

– Нет, я осмелюсь вам возразить. Трусость – самый страшный человеческий порок”.

„Что бы делало твоё добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с неё исчезли тени?”

„Да, человек смертен, но это было бы ещё полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чём фокус!”

„Вторая свежесть – вот что вздор! Свежесть бывает только одна – первая, она же и последняя. А если осетрина второй свежести, то это означает, что она тухлая!”

„Человек без сюрприза внутри, в своём ящике, неинтересен”.

„Поймите, что язык может скрыть истину, а глаза – никогда!”

„Самый страшный гнев – гнев бессилия”

POLSKIE CZYTANKI 2. (книга + CD + канал на YouTube под названием *Polskie czytanki*)

продолжение вышедшей в 2017 году книги *Polskie czytanki*. Во второй части вы найдёте 27 оригинальных текстов для чтения и прослушивания, а также упражнения, которые помогут вам лучше овладеть польским языком как иностранным на уровне B1. Эта книга поможет вам лучше подготовиться к сдаче сертификационного экзамена на уровне B1.

Материалы, собранные во второй части, разделены на три степени сложности и позволяют повторить основные грамматические правила. Тесты представлены в виде диалогов, публицистических текстов, записи разговоров по *Skype* и *WhatsApp*, монологов, рассказов, а также в виде описания событий на *Facebook*. Среди героев книги – реальные личности, такие как Пола Негри, Мария Складовская-Кюри, известные польские путешественники, известный варшавский ресторатор, а также хозяин элитного пансионата на Кашубах, который приехал в Польшу из Новой Зеландии.

Wydawnictwo
KJV Digital sp. z o.o.
Informacja:
europa.ru@wp.pl,
tel. 609-536-701
Irina Kornilcewa

Redaktor naczelny: p.o. Irina Kornilcewa

Zespół autorski: Swietlana Bill, Svetlana Agoshkova, Faina Nikolas, Olga Krasecka, Julia Popowa, Irina Rychlicka, Wioletta Wiernicka, Ion Melnic.

Wydawca: Mobilux-West Sp. z o.o.

Telefon: 0 609 536 701

e-mail: europa.ru@wp.pl

www.europaru.wordpress.com

Poglądy autorów nie zawsze są zbieżne z poglądami redakcji. Za wiarygodność faktów odpowiadają autorzy. Redakcja nie zwraca tekstów niezamówionych oraz zastrzega sobie prawo ich redagowania, skracania i zmiany tytułów.

© Ewpona.RU

SUPERPRODUKCJA

BRACIA KARAMAZOW

FIODOR DOSTOJEWSKI

BARTEK
BLASZCZYŃSKI

DARIUSZ
CHOJNACKI

MICHAŁ
RÓLNICKI

Аудиокнига и фрагменты из книги „Братья Карамазовы” – последнего и наиболее зрелого романа Ф. М. Достоевского о судьбах четырёх сыновей Фёдора Павловича, которых соединит семейная трагедия. Это произведение, написанное в XIX веке, до сих пор остаётся актуальным для читателей во всём мире.

#DoUstyszeniawAppce

Rękopisy nie płoną...

804 opinii

Długość: 16 godzin 49 minut
 Autor: [Michail Bułhakow](#)
 Czyta: [zespół lektorów](#)
 Tłumacz: [Leokadia Anna Przebinda](#), [Grzegorz Przebinda](#), [Igor Przebinda](#)
 Kategoria: [Superprodukcje Audioteki](#)
 Wydawca: [Audioteka](#)
 Typ: [Audiobook - pełny](#)

▶ [Posłuchaj](#) 0:00

